

Регион – Москва
Департамент образования и науки города Москвы

Государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования
города Москвы
«Московский детско-юношеский центр
экологии, краеведения и туризма»

Название школьного образовательного туристского маршрута	Архитектура и владельцы усадьбы Люблино Коробко М.Ю. телефон: +7 495 720-08-41 эл. почта: kraemos@yandex.ru
Ресурсы о регионе и районе маршрута	Сайт Мэра Москвы https://www.mos.ru/dkn/documents/discussions/view/6215221/ Сайт об усадьбах Узнай Москву информационно-просветительский портал: http://hist-usadba.narod.ru/text10-9-2.html https://um.mos.ru/museums/dvorets_n_a_durasova_v_muzee_usadbe_lyublino/ Сайт газеты «История» – приложения «Первое сентября» https://his.1sept.ru/article.php?ID=200702405 Сайт парка Кузьминки https://park-kuzminki.ru/lublino/

Предполагаемая целевая аудитория	7-11 классы
Сезон	Весна-осень
Ключевые направления (хэштэги)	#Усадьбы, #ЮВАО, #архитектура, #краеведение, #Прозоровские, #Урусовы, #Дурасовы, #Писаревы, #Рахманины, #Голофтыевы, #Отечественная_война_1812
Маршрут интегрируется в образовательные /воспитательные программы	Основные программы ФГОС (история России, культурология, МХК, Русская литература и др.), так же в программы туристско-краеведческой направленности и внеурочной деятельности. (Краеведение, москвоведение).
Возможный уровень познавательной/образовательной нагрузки	Досуговой, ознакомительный, просветительский, исследовательский
Доступность для детей с ОВЗ и детей-инвалидов	Доступен
Продолжительность	3 часа

ть маршрута	
Протяженность маршрута	три километра
Пункты, через которые проходит маршрут (объекты показа)	господский дом, театральная школа, театра, дом управляющего, конный двор, оранжерея, парк
Цели и задачи маршрута, в т.ч. образовательные и воспитательные	Формирование и поддержание интереса населения различных возрастных групп к истории своего района. Организация и совершенствование досуга детей и молодежи, а также других возрастных групп населения. Популяризация темы краеведения, развитие интереса населения к объектам культурного наследия, истории архитектуры, краеведческой литературе.
Дополнительные условия	Доступ в господский дом и театральную школу по билетам Государственного музея-заповедника «Кузьминки-Люблино» Проезд: ст. метро Волжская, (далее пешком по Краснодонской ул. по мосту через Люблинский пруд, затем повернуть направо на Летнюю ул.); ст. метро «Текстильщики», далее троллейбусом №50 или автобусами №29, №54, №623 до остановки Платформа «Люблино».

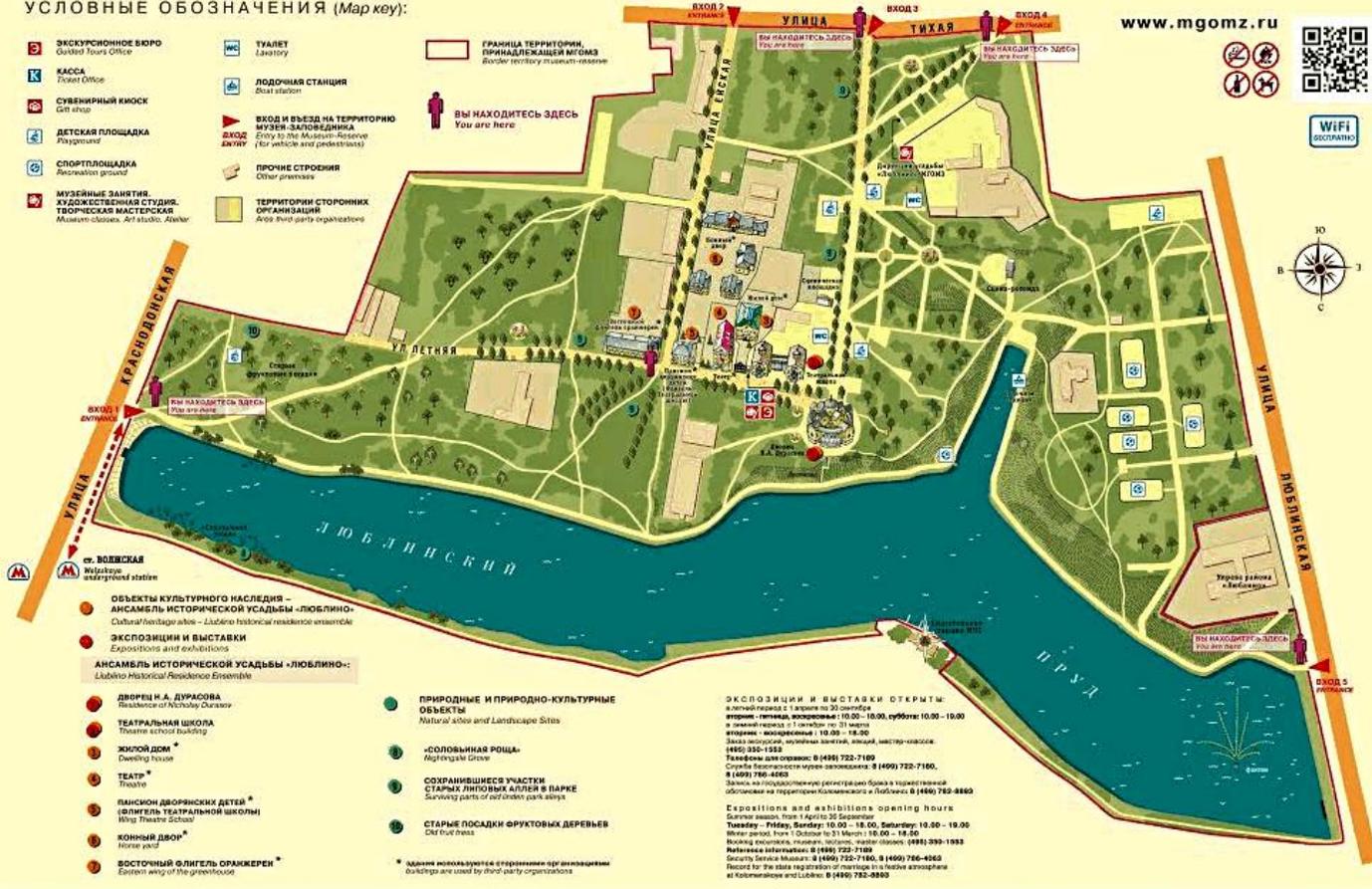
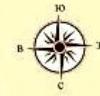
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЁННЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
КОЛОМЕНСКОЕ - ИЗМАЙЛОВО - ЛЕФОРТОВО - ЛЮБЛИНО

ПЛАН-СХЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ УСАДЬБЫ «ЛЮБЛИНО» Liublino Historical Residence Ensemble

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ (Map key):

- ЭКСКУРСИОННОЕ БЮРО
Guided Tours Office
- КАСКА
Ticket Office
- СУВЕНИРНЫЙ КИОСК
Gift shop
- ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА
Playground
- СПОРТПЛОЩАДКА
Recreation ground
- МУЗЕЙНЫЕ ЗАНЯТИЕ,
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СТУДИИ,
ТВОРИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ
Museum classes, Art studio, Atelier
- ТУАЛЕТ
Lavatory
- ЛОДочНАЯ СТАНЦИЯ
Bus station
- ВХОД И ВЪЕЗД НА ТЕРРИТОРИЮ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИКА
Entry to the Museum-Reserve
(For vehicle and pedestrians)
- ВХОД ВЪЕЗД
Other entrances
- ТЕРРИТОРИИ СТОРОННИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ
Other party organisations
- ГРАНИЦА ТЕРРИТОРИИ,
ПРИНАДЛЕЖАЩЕЙ МГОМЗ
Border territory museum-reserve
- ВЫ НАХОДИТЕСЬ ЗДЕСЬ
You are here

www.mgomz.ru

- ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ –
АНСАМБЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ УСАДЬБЫ «ЛЮБЛИНО»
Cultural heritage sites – Liublino historical residence ensemble
- ЭКСПОЗИЦИИ И ВЫСТАВКИ
Exhibitions and exhibitions
- АНСАМБЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ УСАДЬБЫ «ЛЮБЛИНО»:**
Liublino Historical Residence Ensemble
 - ДВОРЕЦ Н.А. ДУРАСОВА
Residence of Nikolay Durakov
 - ТЕАТРАЛЬНАЯ ШКОЛА
Theatre school building
 - ЖИЛОЙ ДОМ *
Dwelling house
 - ТЕАТР *
Theatre
 - ПАНСИОН ДВОРЯНСКИХ ДЕТЕЙ *
(ФАНГЕЛЬ ТЕАТРАЛЬНОЙ ШКОЛЫ)
Mint Theatre School
 - КОНЫЙ ДВОР *
Horse yard
 - ВОСТОЧНЫЙ ОЛИГЕЛЬ БРАНКЕРЕН *
Eastern wing of the greenhouse

- ПРИРОДНЫЕ И ПРИРОДНО-КУЛЬТУРНЫЕ
ОБЪЕКТЫ
Natural sites and Landscape Sites
- «СОЛОВЬИНА РОЩА»
Nestlca's Grove
- СОХРАНИВШИЕСЯ УЧАСТКИ
СТАРЫХ ЛИТОВСКИХ АЛЛЕЙ В ПАРКЕ
Surviving parts of old Lithuanian park alleys
- СТАРЫЕ ПОСАДКИ ФРУКТОВЫХ ДЕРЕВЬЕВ
Old fruit trees

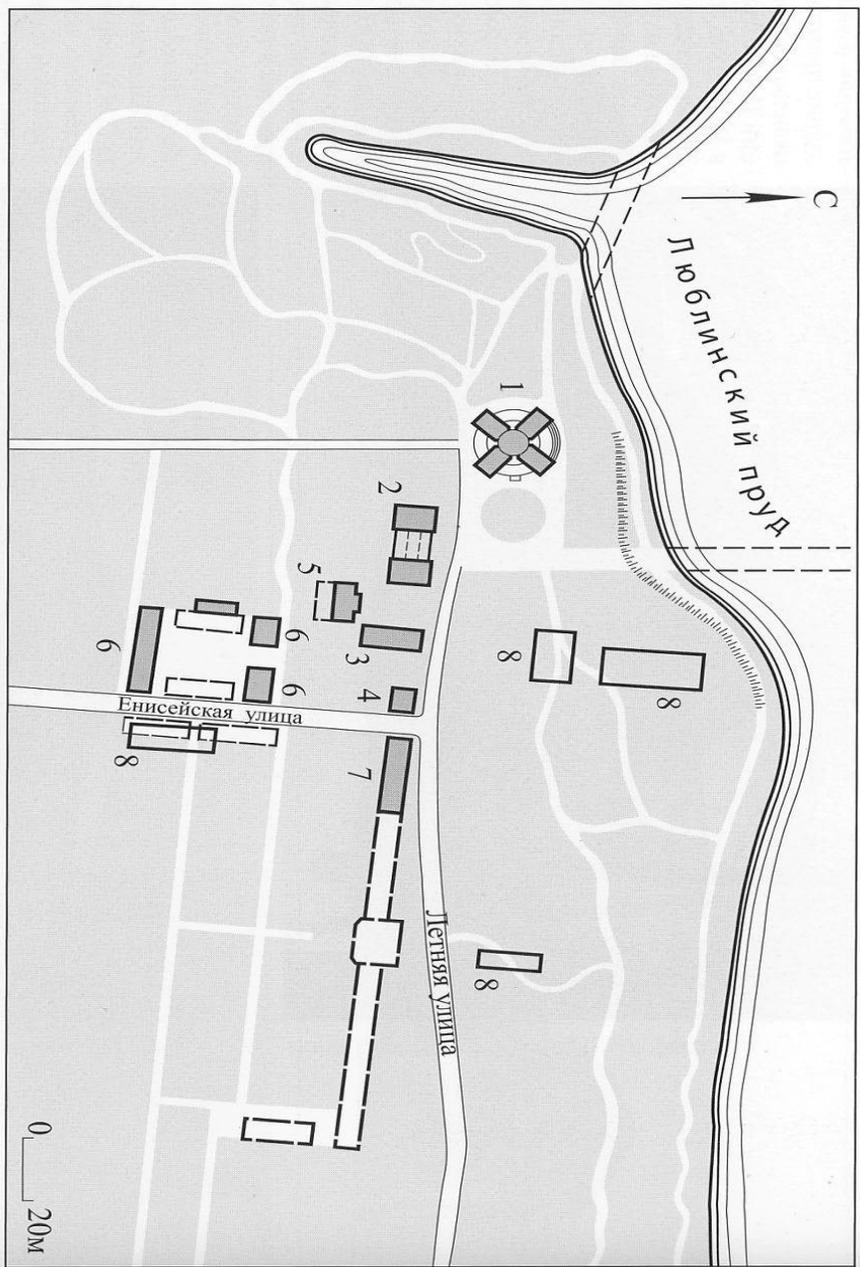
ЭКСПОЗИЦИИ И ВЫСТАВКИ ОТКРЫТЫ
в летней период с 1 апреля по 30 сентября
апрель - сентябрь, воскресенье: 10.00 - 18.00, суббота: 10.00 - 19.00
и зимний период с 1 октября по 31 марта
октябрь - март, воскресенье: 10.00 - 18.00
Залы экспозиции, музейная мастерская, музей, мастер-классы
1450 250-1588
Телефоны для справок: 8 (495) 722-7109
Служба безопасности музея-заповедника: 8 (495) 722-7100,
8 (495) 750-8500
Запись на гидовые экскурсии регистрируем только в кассе музейной
администрации на территории Коломенского и Люблинского: 8 (495) 742-8860

Exhibitions and exhibitions opening hours
Summer season, from 1 April to 30 September
Thursday - Friday, Saturday: 10.00 - 18.00, Sunday: 10.00 - 19.00
Winter period, from 1 October to 31 March: 10.00 - 18.00
Visiting exhibitions, museum classes, museum classes: 0985 250-1588
Museum administration: 8 (495) 722-7109
Security Service Museum: 8 (495) 722-7100, 8 (495) 750-8500
Record for the state registration of parties in a festive atmosphere
at Kolomenskoye and Liublino: 8 (495) 742-8860

* Здания используются с разрешения орг сторонних организаций

Карта маршрута

Генплан: 1 — Главный дом. 2 — Здание театральной школы и дома для актеров. 3 — Здание театра. 4 — Флигель театральной школы. 5 — Жилой корпус. 6 — Корпуса конного двора. 7 — Восстановленный фрагмент оранжереи. 8 — Поздние постройки.

Фотоматериал

Гравюра с видом усадьбы 1820-х гг

Господский дом

Господский дом

Скульптура на крыше господского дома

Театральная школа

Галерея театральной школы

1 день (3,5 часа)

Методические материалы для работы на маршруте

ИСТОРИЯ УСАДЬБЫ ЛЮБЛИНО.

Как многие подмосковные усадьбы, Люблино имеет достаточно раннюю историю, довольно любопытную, хотя и незамеченную большинством исследователей. Однако она недостаточно изучена и пока оставляет больше вопросов, чем ответов. Один из самых серьезных – вопрос об историческом месте расположения Люблина и времени его заселения и создания усадьбы, северной границей которой проходила по реке Голедь.

Голедь, она же Голеть, Голядь, Голедянка, Голядянка, Голодянка, Голяденка, Голединыя, Гольдянка, Глядянка, Ильдянка, Илядинка, Панамарка, Пономарка, Люблинка или Чурилиха. Знакома нам по Кузьминкам, находящимся выше Люблина по течению, по обеим ее берегам. Русло Голеди на участке между Люблиным и Кузьминками сохранилось гораздо лучше, чем ниже Люблинского пруда. После него Голедь сливается под землёй с речкой Нищенкой. У топонима Нищенка тоже есть синонимы: Гравороновка, Граворонка, Граворновка, Граворна, Печатинка, Коломенка. Нет полной ясности, какую из речек — Нищенку или Голедь — считать главной, а какую притоком. Голедь чуть длиннее и мощнее, но Нищенка течёт прямо, а Голедь "подходит" сбоку. Не все перечисленные гидронимы находят логичное объяснение. В краеведческой литературе бытует, версия, что на Владимирской дороге в верховьях Нищенки нищие просили милостыню, однако очевидна надуманность такого объяснения: нищие явно просили милостыню не только здесь, да и городские улицы для этого более удачное место.

Обращает на себя внимание смысловое сходство гидронимов "Нищенка" и "Голядь". Голядью называли одно из литовских племён, упоминающееся под 1147 г. в той самой летописи, которая считается свидетельством о начале Москвы. Но племя Голядь жило не здесь, а в верховьях Протвы. Согласно словарю русского языка В.И. Даля "голедь" — это синоним слова нищие, имеющий костромское происхождение. Возможно племя Голядь, жило беднее, чем славяне, поэтому его название могло означать то же, что "нищие". Позднее эти два гидронима: "Нищенка" и "Голедь" могли в силу случайных причин закрепиться за разными истоками одной и той же речки. Известно также, что вблизи устья Нищенки в одно время была Голодянская мельница. Из этого следует, что низовья Нищенки в это время назывались Голодянкой (по-новому

переосмысленный вариант гидронима "Голедь").

Географ В.С.Кусов идентифицирует Люблино и деревню Юркино, показанную на чертеже нижнего течения реки Голедь XVII в. В «Сотной с копийных книг» 1542-1543 гг. упоминается деревня с похожим названием: Юрьевская «на Голядях», принадлежавшая подмосковному Николо-Угрешского монастырю. Скорее всего, она возникла в последней четверти XV в. Однако, в «Книге Московского уезду письма и меры Семена Васильевича Колтовского да подъячего Онисима Ильина» 1623-1624 гг. деревни Юрьевской нет, зато упоминается несколько бывших населенных пунктов – пустошей с похожими названиями. Во владении монастыря значатся «пустошь, что была деревня Юрьева мельница», безусловно находившаяся на Голеди и некая пустошь Юркино, которая использовалась как пашня. Ее местонахождение неизвестно, но есть основания полагать, что она находилась за пределами современной черты Москвы, как и соседние с ней пустоши Аристовы Горки, Горки Кости Леонова, Капырево (Коптерево) Кутково, Мамоново, Резанцево, Тенково. Исходя из этого, можно с большой долей уверенности предположить, что Юрьевская со временем и превратилась в Юрьеву мельницу.

В той же «Книге Московского уезду..» значится еще одна пустошь Юркина, которая также находилась «на речке на Голеди», но принадлежала не монастырю, а частным владельцам. Она была помещьем сначала дворянина Романа Полянинова, а затем подъячего Алексея Лукича Корепанова (Корепанова) (ум. не ранее 1638 г.).

ВЛАДЕЛЬЦЫ И ГОСТИ

В 1622 г. царь Михаил Федорович пожаловал Юркино, видимо разоренное в Смутное время, другому подъячему — Григорию Ларионову (ум. не ранее 1655 г.), служившему в Разрядном

приказе. При нем в 1623-1624 гг. уже существовали: "...деревня, что была пустошь Юркина на речке на Голеди. А в ней двор помещиков" — то есть усадьба, все постройки которой были деревянными. Судя по всему, именно это Юркино и показано на использованном В.С. Кусовым чертеже, там присутствует схематическое изображение ее господского дома, а само Юркино значится как деревня стольника Григория Петровича Годунова (1664-1704?) — оказавшемся последним представителем мужской линии этого знаменитого дворянского рода.

Годуновы стали заметны при дворе только с 1570-х гг. Женитьба царевича Федора Иоанновича на Ирине Годуновой упрочила их положение, а время правления и царствования Бориса Годунова было периодом наибольшего влияния этого рода- Романовы, при которых Годуновы еще оставались в боярской думе, уже не жаловали думные чины молодым членам этой некогда знаменитой фамилии. Недалеко от Люблина на территории Николо-Перервинского монастыря находился фамильный некрополь Годуновых. Там были похоронены дети владельца, скончавшиеся в конце XVII-начале XVIII в.: Николай (ум. в 1699 г.), Сергей (ум. в 1704 г.), Мария (ум. в 1706 г.) и Евдокия (ум. в 1707 г.).

Чертеж, на котором изображено Юркино, как и все другие чертежи той эпохи схематичен и не позволяет абсолютно точно определить местоположение этого населенного пункта. Тем не менее, судя по изгибу Голедянки и расположению тракта, обозначенного как «Угрешская и Мячковская дорога, что ездят к Москве» Юркино находилось восточнее современной территории Люблина (если считать, что безымянный автор чертежа не допустил ошибку). Еще один существенный довод в пользу того, что Юркино и Люблино два разных населенных пункта — отсутствие материалов средневекового времени (ранее XVII в.) при обследовании археологами

селища в Люблине (на территории парка культуры и отдыха). Кроме того, археолог С.З.Чернов идентифицирует как Юркино 7-е Кузьминское селище, находящееся восточнее Люблина на бровке террасы Голедянки между двумя небольшими оврагами, отстоящими друг от друга на 500 м. Рядом находятся ложе несуществующего Юрьевского пруда на Голедянке, остатки Юрьевской плотины и место Юрьевской мельницы на правом берегу реки между западной оконечностью современного моста через реку и карьером, что также выглядит логично. Общность топонимов позволяет предположить, что некогда все они, вместе с Юркиным, составляли одно частное владение. К сожалению, 7-е Кузьминское селище не раскопано, поэтому мы не имеем археологических находок, которые могли бы уточнить время его возникновения.

Анализируя эти данные, возникновение Люблина на своем нынешнем месте следует с определенной долей условности отнести к рубежу XVII-XVIII вв., т.е. ко времени Г.П. Годунова. Видимо, он перенес туда свою усадьбу из Юркина, т.к. в работе В.С. Кусова она уже фигурирует как сельцо «Юркино, Люблино тож». Впоследствии по фамилии владельца оно стало называться Годуново. Фиксация названия Люблино на рубеже XVII-XVIII в. переводит его из разряда «пасторальных» усадебных названий, вроде Беспечное (Воронцово), Веселое (Михалково) и др. во «владельческие», что косвенно подтверждается и его устойчивостью, в отличие от «пасторальных» топонимов, обычно исчезающих со сменой владельцев.

Со временем новой хозяйкой имения стала единственная выжившая дочь Г.П. Годунова, Аграфена. Ее муж, князь Владимир Никитич Прозоровский, занимал престижную должность адъютанта при знаменитом герое Полтавской битвы — генерал-фельдмаршале князе М.М. Голицыне, являющимся предком владельцев соседнего имения Кузьминки князей Голицыных.

Впоследствии Годуново перешло к сыну Прозоровских князю Петру Владимировичу. Семейная родословная скупо сообщает, что о нем практически ничего неизвестно, даже имя супруги, что позволяет предположить, что она едва ли имела дворянское происхождение. Следующим владельцем Люблин был их сын князь Владимир Петрович Прозоровский (1743-1796), находившийся сначала на военной, а затем на гражданской службе и ставший коллежским ассессором. Он был женат на княжне Прасковье Ивановне Хилковой (1739-1807).

Ко времени В.П. Прозоровского относится самый ранний дошедший до нас план Люблина, составленный в 1766 г. в ходе так называемого “генерального межевания” территории Московского уезда. Согласно плану в Люблине существовала небольшая усадьба с деревянными господским домом и другими постройками у речки Голеди, которая являлась северной границей всего имения. К усадьбе вели две “езжалые” дороги с юга на север и с востока на запад. Однако из примечаний к плану составленных немного позже, ориентировочно около 1770 г. следует, что в то время усадьбы в Люблине уже не было, а статус сельца оно сохраняло только по традиции. Фактически это было просто небольшая деревенька, состоявшая из 5 крестьянских дворов, в которых проживало 22 человека. Основным занятием мужского населения была работа на барщине, заключающаяся в возделывании пашни. Женщины пряли лен и шерсть на продажу и для себя. Причины ликвидации усадьбы в Люблине пока неясны. Возможно, она сгорела, а через какое то время была отстроена заново.

В 1790-х гг. Люблино приобрела княгиня Анна Андреевна Урусова, урожденная Волкова (ум. в 1804 или 1806 г.). Известно, что при ней существовала усадьба, состоявшая из господского дома со службами и регулярного сада. По-видимому, в ней достаточно часто жили, как сама

владелица, так и ее второй муж генерал-майор князь Александр Владимирович Урусов (1729-1813), являвшийся владельцем большой и известной подмосковной усадьбы Осташово (Волоколамский уезд). Их любимая и единственная дочь София Александровна (1779-1801) была замужем за гофмаршалом бароном Александром Сергеевичем Строгановым (1771-1815) – племянником владелицы соседних с Люблиным Кузьминок княгини А.А. Голицыной.

Документы о владении Люблиным А.А. Урусовой опровергают известную мемуаристку “бабушку” Е.П. Янькову, по мнению которой в то время Люблино принадлежало графине Марии Григорьевне Разумовской, урожденной княжне Вяземской, в первом браке бывшей замужем за троюродным братом В.П. Прозоровского князем А.Н. Голицыным. Во всяком случае, пока не обнаружен ни один серьезный источник, в котором бы значилось имя М.Г. Разумовской, как владелицы Люблина.

Переход Люблина к своему самому известному владельцу отставному бригадиру Николаю Алексеевичу Дурасову (1760-1818) Н.А.Д урасову безусловно произошел при Урусовых около 1800 г. Возможно, после смерти дочери княгиня А.А.Урасова решила расстаться с Люблиным.

В родстве с Н.А. Дурасовым находились многие известные дворянские фамилии: князья Белосельские-Белозерские, графы Толстые, Бекетовы, Бибиковы, Козицкие, Мельгуновы, Пашковы и др., которым также достались богатства известных уральских купцов Мясниковых (Твердышевых). Новый владелец Люблина получил в наследство от своей матери, Степаниды Ивановны, урожденной Мясниковой, огромное состояние, дававшее возможность вести широкий образ жизни. За это и Н.А. Дурасов, и его ближайшие родственники Козицкие и Мельгуновы получили прозвище “евангельских богачей”.

Средства, которыми располагал Н.А. Дурасов, позволили ему в кратчайшие сроки выстроить усадьбу практически заново. В 1800-х гг. в Люблине были сооружены новый господский дом – очень эффектный и интересный образец зрелого классицизма, гигантская оранжерея, большой комплекс театральных зданий (в Люблине были театральная труппа и оркестр) и др. постройки. Их наиболее вероятными авторами считаются архитекторы Р.Р. Казаков и И.В. Еготов, работавшие в соседней усадьбе Кузьминки. Н.А. Дурасовым в Люблине был устроен пансион для дворянских детей во главе с учителем-французом.

Казаков Родион Родионович (1758-1803) – архитектор, много проектировал для Кузьминок, параллельно вел работы в других усадьбах Строгановых и Голицыных: Голуни, Быкове, Дубровицах и т.д. По проекту Казакова в 1783-1789 гг. был перестроен господский дом в Кузьминках. Его надстроили антресольным этажом, помещения были заново отделаны. Одновременно и реконструировали и флигеля, которых тогда было четыре.

Еготов Иван Васильевич (1756-1814) – архитектор, помощник и родственник Р.Р. Казакова (муж его сестры), работал в Экспедиции Кремлевского строения. Первоначально Еготов занимался строительным надзором за возведением построек в Кузьминках по проекту Казакова, а затем стал работать самостоятельно. В 1804-1808 гг. он провел реконструкцию господского дома и флигелей, одновременно спланировав территорию парадного двора. От работ Еготова в Кузьминках в настоящее время сохранилась только центральная часть Птичьего двора – комплекса, в котором содержались экзотические птицы (впоследствии она была перестроена Д.И. Жиллярди в кузницу)..

Поселившись в Люблине, владелец прославился своим гостеприимством, которое было не

удовлетворением тщеславия, а свойством его добродушной природы, удобным применением щедрости и выполнением желания — сделать всем и каждому приятное. После обеда обычно выступали песенники, певшие под аккомпанемент кларнета и рояля, а слуги разносили разнообразные ликеры. Хлебосольный хозяин, приговаривал по поводу разных редкостных кушаний и напитков “Дрянь, совершенная дрянь-с”! Впрочем, он нередко любил пошутить над своими посетителями, объявив, что все деликатесы и экзотические блюда — “домашние” т.е. своего изготовления. Одним из таких простаков, поверивших шутке Н.А. Дурасова, оказался писатель С.П. Жихарев, приехавший в Люблино 12 марта 1805 г. со своим приятелем поэтом П.И. Богдановым.

Жихарев Степан Петрович (1787 или 1788-1860), драматург-переводчик, мемуарист, был обер-прокурором Сената и сенатором, в конце жизни — председателем Театрально-литературного комитета, автор воспоминаний «Записки современника», делящиеся на две части, «Дневник студента» (1805—1807) и «Дневник чиновника» (1807—1817) .

В особо торжественных случаях угощение и обстановка принимали еще более роскошный характер. Англичанка мисс Кэтрин Вильмот, попавшая в Люблино на праздник, устроенный в честь княгини Е.Р. Дашковой в 1806 г., пришла в восторг от усадьбы Н.А. Дурасова, и его крепостного театра (К.Вильмот писала, что праздник в честь Е.Р. Дашковой состоялся в августе 1806 г. через два дня после торжественной закладки в Москве здания Практической академии, но она была заложена только 1 октября, значит, праздник в Люблине состоялся 4 октября).

Писатель М.А.Дмитриев в своих воспоминаниях отметил, что Н.А. Дурасов “...жил в своем Люблине как сатрап, имел в садках всегда готовых стерлядей, в оранжереях огромные ананасы, и

был до эпохи французов [т.е. до Отечественной войны 1812 г. – М.К.] все изменившей необходимым лицом общества, при тогдашней его жизни и тогдашних потребностях”.

Дмитриев Михаил Александрович (1796-1866) — поэт, критик, переводчик, мемуарист. До 1825 г. он служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел, затем был чиновником особых поручений при Московском генерал-губернаторе, судьей Московского надворного суда, занимал другие должности, камергер (с 1831 г.), действительный тайный советник (с 1839 г.). Мемуарная книга М.А.Дмитриева «Мелочи из запаса моей памяти» даёт ценную картину московского литературного быта первой трети XIX в.

В отличие от других пригородных усадеб, Люблино не так сильно пострадало во время Отечественной войны 1812 г. Объясняется это тем, что масштабы запасенной Н.А.Дурасовым провизии привлекли внимание французского начальства. Один из русских агентов, оставшихся в оккупированной Москве в своем донесении отмечал: "Недостаток в пище столь велик в самом городе, что едят ворон и галок. В Люблине, у г-на Дурасова, живет один французский генерал и пользуется найденными там припасами, вином. Три приятеля у него обедали. Как скоро узнали в Москве, что в Люблине хорош стол, то все стали туда ездить обедать; и 29-го числа [сентября — М.К.] было за столом человек с 40 одних генералов". Разумеется, там, где постоянно развлекались генералы, всегда соблюдался относительный порядок, поэтому после войны Люблино оказалось возможным восстановить достаточно быстро. Недаром один из гостей Н.А.Дурасова поэт А.Ф. Воейков, уже в 1816 г. воспел очаровавшую его усадьбу в стихах:

“Люблино милое, где легкий, светлый дом,
Любуется собой над серебряным прудом.

Воейков Александр Фёдорович (1778 или 1779 - 1839), поэт, переводчик, литературный критик, издатель, журналист, во время Отечественной войны 1812 года вступил в ополчение. При содействии В.А. Жуковского получил место ординарного профессора русской словесности в Дерптском университете (в 1814 г.), в 1820 г. переехал в Петербург, где служил инспектором классов, затем преподавателем в Артиллерийском училище (до 1825 г.).

Наибольшей известностью А.Ф. Воейков пользовался благодаря пополнявшемуся стихотворному памфлету «Дом сумасшедших», где изображён визит автора в приснившийся ему «жёлтый дом», в котором сидят поэты, писатели и политические журналисты, снабжённые меткими и часто очень злыми характеристиками; в конце концов рассказчик сам попадает в дом сумасшедших и просыпается.

Одним из последних праздников, устроенных Н.А. Дурасовым в Люблине оказался торжественный прием 23 мая 1818 г. в честь императрицы Марии Федоровны — вдовы Павла I. Впоследствии в память о приезде императрицы один из залов господского дома был украшен ее бронзовым бюстом работы французского скульптора Луи Мари Гишара. На пьедестале бюста была помещена следующая надпись: “В память посещения Люблина императрицей Марией Федоровной. Майя, 23 дня 1818 года”.

Гишар Луи-Мари Гишар (1770-е – не ранее 1831), французский скульптор, академик, в России получил известность своими выразительными бюстами ряда высокопоставленных лиц.

Уже в июне 1818 г. владелец Люблина скончался. “Добрый был человек. Весь город жалеет о смерти его... Переводится порода бригадирская, а не воскрешать же Екатерину Великую, чтобы пожаловать новых” — писал о смерти Н.А. Дурасова московский почт директор А.Я. Булгаков

поэту князю П.А. Вяземскому.

Поскольку Н.А.Дурасов всю жизнь прожил холостяком и не имел детей, то Люблино унаследовала его сестра Аграфена Алексеевна Дурасова (1775-1835), вышедшая замуж за родственника генерал-лейтенанта Михаила Зиновьевича Дурасова (1772-1828) сохранив, родовую фамилию. Однако подлинным хозяином Люблина, занимавшимся всеми делами по имению, был муж их дочери Агриппины Михайловны (ум. в 1877 г.), генерал-майор Александр Александрович Писарев (1780-1848), являвшийся одним из теоретиков масонства.

А.А. Писарев во время Отечественной войны командовал гренадерской дивизией и вышел в отставку генерал-майором. Впоследствии он был назначен попечителем Московского учебного округа, а затем Варшавским военным губернатором. Одно время А.А. Писарев возглавлял Общество Любителей Российской Словесности и являлся автором ряда художественных и мемуарных произведений. Наиболее значимыми среди них являлись: "Предметы для художников" (СПб., 1807), "Начертание художеств" (СПб., 1808), "Общие правила театра, выбранные из Вольтера" (СПб., 1809), "Военные письма и замечания, относящиеся к незабвенному 1812 году" (М., 1817).

Уже в середине 1820-х гг. Люблино превратилось в дачное место (т.е. это произошло значительно раньше, чем принято считать), где состоятельные горожане снимали летние дачи. В праздники количество посетителей увеличивалось. Многие москвичи приезжали с семьями, чтобы один день отдохнуть в Люблине. Большой регулярный усадебный парк содержался в чистоте. Сама усадьба поддерживалась с той же пышностью, как и было при Н.А.Дурасове. Были заведены обширный огород и прекрасный скотный двор, для которого было выписано стадо дорогих

тирольских коров; сооружена образцовая ананасная теплица, нагреваемая “изобретенным недавно открытым способом”. В саду и оранжерее прибавилось экзотических растений.

По-прежнему в усадьбе бывало много гостей. Историк И.М. Снегирев, посетивший Люблино 23 июня и 19 июля 1824 г. вспоминал, что первый раз приехал к А.А. Писареву на именины его жены и тещи вместе со своими знакомыми Н.В. Посниковым и А.З. Дурасовым (братом М.З. Дурасова), второй раз «...застал Дурасовых, вице-губернатора Храповицкого, [Е.Е.]Ренкевича, князя [П.И.]Шаликова, Волкова...».

Снегирёв Иван Михайлович (1793-1868), историк, этнограф, фольклорист, археолог, одним из первых изучал русские пословицы, поговорки, народный быт, обряды, праздники. С 1818 г. он преподавал в Московском университете латинский язык, был профессором римской словесности и римских древностей Московского университета (в 1826—1836 гг.), служил цензором (в 1828—1855 г.), состоял членом Общества любителей российской словесности. С 1854 г. И.М. Снегирев - член-корреспондент Академии наук.

По свидетельству И.М. Снегирева, гости «с удовольствием до и после обеда гуляли в саду и любовались местоположением, для сада выгодным; князь Шаликов все разговаривал с красавицами Гранжан, смотрели пригнанных из Тироля коров, каждая по 35 черв[онцев], пустили их гулять на лужок; оне ниже ростом и полнее телом наших коров. В роще померанцевых деревьев сели в кружок и говорили о женщинах; хозяин Люблина [имеется ввиду А.А. Писарев – М.К.] пишет о них статью для «Д[амского] Ж[урнала]».

Шаликов Пётр Иванович (1767 или 1768 — 1852), князь, писатель и журналист, был издателем и редактором журналов «Московский зритель» (1806 г.), «Аглая» (в 1808—1812 г.),

«Дамский журнал» (в 1823—1833 гг.), редактором газеты «Московские ведомости» (в 1813—1836 гг.).

К тому же времени относятся и первые публикации о Люблине. Привечаемый А.А. Писаревым малоизвестный писатель И.Г. Гурьянов опубликовал в журнале «Отечественные записки» очерк, написанный им по впечатлениям посещения усадьбы 5 августа 1825 г.: «Вот вы подъезжаете к половине шестой версты, и прекрасная блаженная деревьями дорожка на правую руку представляется глазам вашим; читаете надпись на путевом указателе: «В Люблино». При одном названии сем сердце ваше не может не почувствовать какого-то тайного удовольствия...»

Гурьянов Иван Гаврилович, (1791-1854?), писатель, составитель и переводчик многочисленных книг, рассчитанных на читателей из мелкочиновничьей, купеческой и мещанской среды, провинциального дворянства. Печататься начал в 1824 г., в 1826 г., выйдя в отставку, занялся литературным трудом, особенно интенсивно публиковался до 1836 г.

И.Г. Гурьянов - автор «Изъяснения к плану города Москвы, изданному 1825 года, с показанием всех храмов, казенных и общественных зданий, улиц, переулков, рынков и площадей, с сокращенным обозрением сего города по части статистической, а равным образом с означением времени и места всех описанных Крестных ходов и общественных гуляньев», не потерявшего своего значения до настоящего времени.

После кончины мужа, последовавшей в 1828 г., А.А. Дурасова по свидетельству М.А. Дмитриева «...под конец жизни жила в Симоновом монастыре...». Тем не менее её имя в качестве владелицы Люблина продолжает значиться до 1835 г. в метрической книге церкви Влахернской иконы Божьей Матери в Кузьминках к приходу которой тогда уже относилась усадьба.

Тогда Люблино унаследовала жена А.А. Писарева Агриппина Михайловна. По свидетельству современника при ней сад и оранжерея никогда еще не были в таком цветущем состоянии, даже при Н.А. Дурасове, хотя в то время Писаревы обычно жили в другом своем подмосковном имении Большие или Вышние Горки (более известном под современным названием Горки-Ленинские), а Люблино так и осталось популярнейшей дачной местностью, посещаемой многими москвичами.

Есть основания полагать, что в семейных отношениях Писаревых к тому времени уже не все было гладко. Так в письме А.А. Писарева 1840 г. историку Н.Д. Иванчину-Писареву, опубликованному в сборнике «Старина и новизна» — историческом сборнике, издаваемом при Обществе ревнителей русского исторического просвещения сделана приписка: «Увы! Меня выгоняют из моего гнездышка, из моего дорогого Люблино...» (пер. с франц.)

В середине XIX в., после смерти мужа, А.А. Писарева, уже не справлявшаяся с управлением таким большим хозяйством, решила расстаться с Люблиным (по некоторым данным она продала имение с усадьбой подполковнику Н.П. Воейкову). В 1860-х гг. Люблино купили коммерсанты купец 1-й гильдии Конон Никонович Голофтеев (1822-1896), бывший почетным попечителем школы садоводства и его компаньон и родственник Петр Николаевич Рахманин (1806-1888). Они занимались торговлей “модным дамским товаром” под фирмой “К.Голофтеев с сыном и П. Рахманин”. Оба предпринимателя превратили Люблино практически целиком в дачный поселок.

Некоторые исследователи ошибочно считают, что П.Н. Рахманин не был владельцем Люблина. Однако документы, обнаруженные нами в Центральном историческом архиве г.

Москвы, свидетельствуют, что он юридически владел усадьбой наравне с К.Н. Голфтеевым.

Одну из дач в Люблине летом 1866 г. снимал писатель Ф.М. Достоевский. Приехав в середине июня из Петербурга в Москву, он остановился в гостинице Дюссо, где прожил полторы недели. Известно, что уже в то время писатель совершил поездки к семье своей сестры В.М. Ивановой, снимавшей на лето дачу в Люблине “близ Кузьминок, за 8 верст от Москвы”. Люблино Ф.М. Достоевскому понравилось настолько, что уже 25 июня он “по знакомству, за половинную цену” нанял до начала сентября пустующую дачу по соседству с Ивановыми и вернулся в Москву “на три часа” сделать хозяйственные покупки. В тот же день Ф.М. Достоевский написал письмо своему пасынку П.А. Исаеву, в котором пригласил его пожить у него на даче в Люблине. По свидетельству Н. Фон-Фохта Ф.М. Достоевский занял одну комнату на втором этаже пустого каменного дома. Это позволяло ему сосредотачиваться и работать в “невозмутимой тишине”.

Ф.М. Достоевский работал в Люблине над окончанием второй части “Преступления и наказания”. Обычно он просыпался и вставал около девяти часов утра, завтракал, а затем “тотчас же садился за работу, которую не прерывал [...] до трех часов пополудни. Обедал он у Ивановых, где уже и оставался до самого вечера”, “писал по вечерам крайне редко, хотя говорил, что лучшие и наиболее выразительные места его произведений всегда выходили у него, когда он писал поздно вечером”. Вместе со своими родственниками и их друзьями Ф.М. Достоевский совершал прогулки по окрестностям Люблина. Так он посетил усадьбы Кузьминки, Толоконниково (Затишье) и Царицыно.

Почти каждую неделю писатель ездил в Москву в редакцию журнала “Русские ведомости”, в котором тогда публиковали роман “Преступление и наказание”. После общения со своими

редакторами Н.А.Л. Юбимовым и М.Н. Катковым, он “всегда возвращался домой недовольный и расстроенный”, потому что “ему приходилось почти всегда исправлять текст или даже прямо выбрасывать некоторые места [...] вследствие разных цензурных стеснений”.

Ф.М. Достоевский был приглашен на праздник в честь именин компаньона К.Н. Голофтеева П.Н. Рахманина, состоявшийся 29 июня в Петров день. Племянница писателя М.А. Иванова вспоминала, что оба предпринимателя “... устраивали большое торжество, с званым обедом, увеселениями и фейерверком. Съезжалось богатое московское купечество; дачники, жившие в Люблине, также получали приглашение. Такое приглашение вместе с Ивановыми получил Достоевский. Сестра [...] очень уговаривала его пойти на обед, он отказывался, наконец, согласился с условием, что скажет в качестве спича приготовленные стихи. В.М. Иванова захотела заранее узнать, что он придумал, и Достоевский прочел:

О Голофтеев и Рахманин!

Вы именинники у нас.

Хотел бы я, чтоб сам граф Панин

Обедал в этот час у вас.

Красуйтесь, радуйтесь, торгуйте

И украшайте Люблино.

Но как вы нынче не ликуйте,

Вы оба все-таки...!

На торжественный обед Достоевский не пошел”.

9 июля в Люблино приехал погостить брат писателя А.М. Достоевский со своею тринадцатилетней дочерью Евгенией. “По делам мне несколько раз приходилось ездить в Москву... в одну из таких поездок, в июле 1866 г. я взял с собою старшую дочь Женичку и оставлял ее на несколько дней погостить в Люблине на даче у Ивановых. Там в это время жил и брат Федор Михайлович ... вблизи от Ивановых ... Он также принимал меня отлично, а мою дорогую Женичку просто на руках носил”, вспоминал впоследствии А.М. Достоевский.

Биограф писателя Л. Гроссман отмечал, что “В Люблине Достоевский пережил еще одно большое душевное событие, быть может единственное в его жизни, — глубокую, чистую духовную любовь. Такое высокопоэтическое чувство он питал к своей племяннице, двадцатилетней Сонечке... Это была старшая в семье, воспринявшая от своего отца — врача и педагога — драгоценные черты его характера, столь горячо признанные Достоевским: “У этого человека долг и убеждение были во всем, прежде всего”.

Впоследствии впечатления Ф.М. Достоевского от жизни в Люблине нашли отражение в его произведении “Вечный муж” при описании посещения героями семейства Захлебиных, а некоторые “странности” племянника писателя А.П. Карпина нашли свое воплощение в чертах одного из центральных героев повести — Трусоцкого.

Сооружение Московско-Курской железной дороги способствовало развитию Люблина как дачной местности. Недалеко от усадьбы появилась одноименная ей железнодорожная станция, впоследствии переименованная в Люблино-Дачное. От станции к усадьбе была проложена аллея. Удобство сообщения с городом, прекрасный сосновый лес за дачами, купание в прудах со

временем превратили Люблино в одно из популярнейших в то время мест летнего отдыха, в особенности для москвичей занятых летом в городе. Как и в Кузьминках, дачная жизнь в Люблине была тихая и спокойная. Специальных увеселений не было за исключением очень редких танцевальных вечеров, в особо устроенном павильоне. Позже у станции появился театр, в котором местные актеры-любители, а иногда и заезжие профессионалы развлекали публику спектаклями, концертами и балами. Популярным местом прогулки дачников служила платформа железнодорожной станции, однако с запретом на торговлю спиртными напитками в станционном буфете, она утратила свою былую популярность.

Помимо дач ансамбль Люблина дополнила гармонизировавшая с ними деревянная одноглавая церковь Петра и Павла, выполненная в русском стиле по проекту архитектора Н.А. Шохина (в литературе зачастую автором церкви называют И.П. Ропета (И.Н. Петрова), однако это имеет не стоит воспринимать всерьез, просто с И.П. Ропетом ассоциируется «русский стиль», ассоциирующийся с его именем). К.Н. Голофтьев и П.Н. Рахманов присмотрели ее на Политехнической выставке, устроенной в 1872 г. в Александровском саду Московского кремля к 200-летию со дня рождения Петра I, где помимо прочего экспонировались возможные образцы типовых загородных построек.

После окончания выставки церковь, за которую Н.А. Шохин получил Большую золотую медаль, была перевезена в Люблино и собрана восточнее господского дома. Есть основания предполагать, что при этом к ней была прирублена трапезная со звонницей. Внутренняя отделка церкви была достаточно скромной «...гладкие сены без всякого украшения, не покрытые даже краской... Иконостас очень недурен; в нем резная работа на царских дверях заменена цементными

накладными украшениями, которые потом окрашены и покрыты позолотой», писал журнал «Зодчий». Однако дома священника в Люблине так никогда и не появилось, так как церковь после освящения в 1873 г. считалась не самостоятельной, а приписной к церкви в Кузьминках.

На Политехнической выставке были куплены и другие деревянные здания для Люблина, где в дачной архитектуре широко использовались национальные мотивы.

Один из не слишком удачных дачных сезонов в Люблине описан в газете «Московский листок» за 1882 г.: «Настоящий летний сезон, несмотря на прекрасное местоположение и удобство дачных помещений, привлек не особенно много нанимателей, так, что даже прекрасно устроенные дачи купца К. Голофтеева, которых здесь около семидесяти, и то не все заняты. Дома, которые прежде бывали заняты одним семейством, в настоящее время вмещают в себя по нескольку семейств, что можно, пожалуй, отчасти отнести к всеобщему безденежью. Прекрасная роца, среди которой помещаются почти все дачи, по вечерам наполняется гуляющей публикой, так как это единственное в настоящее время развлечение. Театр, в котором в былые годы устраивались спектакли и танцевальные вечера, пустует; и будут ли двери сего храма Мельпомены открыты в текущий сезон - неизвестно; дачники, по-видимому, как-то апатично к этому относятся».

По свидетельству журналиста А.А. Ярцева в конце 1880-х гг., т.е. еще при жизни предыдущего владельца, Люблино перешло к его сыну Николаю Кононовичу Голофтееву (1846-1918?), впоследствии действительному статскому советнику, бывшему гласным Московского уездного земского собрания, крупным предпринимателем и благотворителем. Так он и его жена Вера Александровна Голофтеева (1857-1905) были попечителями сразу двух московских

благотворительных учреждения: Голофтеевской школы для рукодельниц общества поощрения трудолюбия и богадельни для престарелых имени Н.К. и В.А. Голофтеевых. Их дочь Елена Николаевна Эшлиман (1877-1936) также занималась благотворительностью, будучи попечительницей земского училища в находившейся недалеко от Люблина деревни Курьяново.

Часть наделов Курьянова, соседних деревень Марьино и Батюнино, а также принадлежавшее казенному ведомству Чагинское болото в 1892 г. отошли под гигантские очистные сооружения города — поля фильтрации, занявшие более тысячи десятин земли на которые стали закачивать сточные воды города, которые ранее отводились в ручьи, реки и пруды без предварительной очистки. По соседству с Люблиным поля получили название Люблинских, хотя непосредственно территория Люблина никогда не входила в их состав.

Постепенно некоторые люблинские дачники начали увлекаться велосипедным спортом. В Люблино стали приезжать и велосипедисты из Москвы. 27 июня 1895 г. руководство Московского клуба велосипедистов устроило для членов клуба совместную поездку по Подмосковию, начавшуюся от Серпуховской заставы. Посетив Коломенское и Царицыно, велосипедисты доехали до Люблина, а затем отправились в Кузьминки. Общая протяженность пройденного ими маршрута, завершившегося в Сокольниках, составила около 40 верст.

В 1896 и 1897 гг. люблинским дачником был известный филолог и искусствовед академик Ф.И. Буслаев, одно время занимавший тот же пост, что и ранее А.А. Писарев — председателя Общества любителей российской словесности. Ф.И. Буслаев скончался в Люблине 31 июля 1897 г. и был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве. Его могила сохранилась до настоящего времени.

Буслаев Федор Иванович (1818–1897), языковед, фольклорист, историк искусства, один из крупнейших представителей отечественной мифологической школы. С 1859 – профессор Московского университета, впоследствии был избран действительным членом Академии наук. Мировую славу принесла Ф.И. Буслаеву книга «Русский лицевой апокалипсис. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI в. по XIX» (1884г.), в которой он проследил связь между памятниками искусства, литературы и фольклора.

В конце жизни, потеряв зрение, Ф.И. Буслаев диктовал свои мемуары, особенно подробные в описании детских и студенческих лет, начала педагогической и научной деятельности.

Судя по сообщениям прессы, при Н.К. Голофтьеве Люблино уже не могло конкурировать ни с большими нарядными дачными поселками со всеми удобствами, ни с глухими уголками с нетронутой природой, хотя, тем не менее, пользовалось популярностью. Журнал “Искры” в 1902 г. констатировал, что “...самый въезд в Люблино с вокзала напоминает собою любой из московских переулков на окраине Москвы. Скучные деревянные домики, стоящие посреди голого поля, где нет следов зелени, свидетельствуют о том, что ценность каждого клочка земли взвешена расчетливым собственником. В жаркую погоду — пыль, а в дождливую — грязь — являются единственным напоминанием о природе для неприхотливых дачников, которые находят удовольствие селиться для летнего “отдыха” в упомянутых домиках”.

За въездом в имение начиналась густая роща с расчищенными дорожками и прудами. В ней также были обычные дачи с мезонинами и низенькими заборами. Из экономии места они нередко строились слишком близко друг от друга. Судя по рекламным объявлениям 1904 г. разброс сезонных цен был достаточно большим и колебался от 200 до 1000 рублей, в зависимости от

степени комфортабельности условий жизни, которые могли быть и аналогичны городским: «отдается дача в Люблине, имении Н.К. Голофтеева, 2-х этажная, деревянная, с двойными рамами, с 14 комнатами, вполне мебелированными, с голландскими печами, с проведенной водой, ванной и всякими принадлежностями».

16 июня 1904 г. около 5 часов дня Люблино пострадала от грандиозного урагана, затронувшего юго-восточную часть Москвы и Подмосковья. Ураган затронул Люблино гораздо серьезнее, чем Кузьминки: у станции в Новом поселке оказались полуразрушенными многие жилые постройки; в усадьбе разрушено 7 дач, повреждено 8, сильно пострадал театр, сосновая роща более чем наполовину была вырвана с корнями, а всего уничтожено около 70 десятин леса. Из-за этого московские газеты пустили утку: якобы только за упавшие деревья владельцу имения предложили сто тысяч рублей.

Знакомый Н.К. Голофтеева Н.А. Варенцов, крупный промышленник и предприниматель, в этот день собирался в свою подмосковную усадьбу Бутово. Ураган его застал на Курском вокзале. Едва Н.А. Варенцов вошел в вагон, как начался страшный ливень с градом, причём масса отдельных градин достигала до 600 граммов. Кондуктор уже не мог закрыть дверь вагона, настолько сильны были порывы ветра. Только переждав ураган, поезд отправился и пассажиры смогли увидеть его последствия: «Не доезжая станции Люблино полверсты поезд остановился. Публика ехавшая с нами в вагоне до Люблино, во главе с богатым известным купцом Голофтеевым, владельцем имения при станции Люблино, выскочила из вагона и бросилась бежать к станции.

Наконец мы подъехали к Люблино; ещё не подъезжая к станции, кто-то крикнул:

«Смотрите: голофтьевской рожи нет!» На станции уже было полное смятение: слышались крики, плач, несколько дам бились в истерике, на платформе станции образовались большие группы людей, слушающих рассказы о происшедших несчастных случаях от урагана. Один какой-то рассказывал, как он был свидетелем, как ребенок был вихрем вырван из рук матери и поднят на воздух и унесен, и много было разных других рассказов о событиях этого дня. Отъезжая от Люблино, пассажиры могли любоваться голофтьевскими дачами, закрытыми раньше деревьями парка лесом, теперь же они выделялись на фоне голубого неба».

Разрушение парка и дач в имении и поселке на короткое время повлекло за собой снижение популярности Люблина как дачного места. Однако, вскоре последствия урагана были ликвидированы, а количество дач даже увеличилось.

Церковь в Люблине с 1918 г. стала самостоятельной, отделившись от Кузьминок. В 1920 г. по решению Моссовета она получила утварь, а также престол и жертвенник из упраздненной церкви Георгия Победоносца при Военно-фельдшерской школе в Лефортове. 27 апреля 1922 г. в ходе изъятия ценностей в пользу голодающих Московской уездной комиссией из церкви в Люблине были взяты серебряные кресты, чаши, лампы и прочая мелкая утварь - всего 33 предмета общим весом 16 фунтов 6 золотников. Летом 1923 г. Люблинский совет по требованию рабочих и мастеровых служб Московско-Курской железной дороги и местных ячеек РКП (б) и РКСМ принял решение о передачи церкви под комсомольский клуб, несмотря на то, что один клуб уже был устроен в господском доме. 16 марта 1924 г. заведующим церковным столом управления милиции Московского уезда Черниным храм был опечатан. 7 апреля 1924 г. решение о его закрытии было утверждено президиумом Моссовета. Судя по фотографиям, ее иконостас и

убранство были уничтожены, в алтарной части местные активисты, судя по фотографиям, устроили “уголок безбожника”.

В 1925 г. Люблино стало новым городом Московской губернии, что поставило точку в борьбе прихода за открытие церкви, все городские учреждения занимали бывшие усадебные постройки и некоторые конфискованные дачи. Однако держать разрушающееся здание в центре города не хотелось, поэтому в 1927 г. Президиум Мосгубисполкома рассмотрел вопрос о передаче церкви в село Рыжево Егорьевского уезда Рязанской губернии (ныне Егорьевский район Московской области) для установки на месте храма сгоревшего в 1923 г. Со стороны Президиума Моссовета было выдвинуто только требование сохранить прежние размеры и стиль здания.

18 августа 1927 г. сотрудник Административного отдела Московского уездного исполнительного комитета Кочетков передал здание церкви в Люблине уполномоченным религиозной общины села Рыжево. После разборки, перевозки и сборки на новом месте, оплаченных неким бывшим фабрикантом и торговцем Собакиным оно получила другое посвящение Введения во храм Пресвятой Богородицы и действует до сих пор.

Достопримечательности и быт Люблина, ставшего городом, были описаны в характерной для тех лет манере в одном из путеводителей по окрестностям столицы: “Внешность люблинского дома, построенного малоизвестным архитектором Иваном Еготовым, овеяна преданиями о минувшем, давно ушедшем и к счастью невозвратимом. И действительно, что нужнее, что ценнее современному человеку: полукружия коринфских колонн, над созданием которых трудились в многотрудном поте лица своего под злые окрики надсмотрщиков рабочие артели прошлого века или... электрические лампочки, которыми искрится ныне, как золотыми

созвездиями, Советское Люблино. На широкой улице, называемой липовой аллеей [ныне Летняя ул. – М.К.], сосредоточены государственные учреждения: Горсовет, Отделение милиции, кооператив ТПО. А во дворце, где некогда гуляла помещицья и графская свора, коротают праздничные дни над интересной книжкой фабричные рабочие, служащие и веселая молодежь. В 0,5 км тянутся “поля орошения”, около которых расположено жилье двухсот пролетариев. Следует отметить в Люблине наличие ларька Госрозницы, винно-гастрономического магазина Конкордия и частной хлебопекарни. Посещение Люблина не пропадает бесследно в памяти любознательного экскурсанта. Он долго будет помнить прекрасную наружность дурасовского дворца, мечтательные сосны окружного леса и, наконец, явно выявленную во всем, активность Люблинского Горсовета”.

В местных органах власти тогда работал поэт Ф.С.Шкулев, уроженец находившейся недалеко от Люблина деревни Грайвороново. Старшие поколения еще помнят, написанную на его стихи песню “Мы кузнецы и дух наш молод...” — выразившую настроение части молодежи начала XX в. Как это случается со многими удачными произведениями, песню долгое время считали “народной” и даже публиковали без имени автора.

Небольшой деревянный дом, в котором Ф.С.Шкулев жил до 1930 г., находился к западу от усадьбы по другую сторону железной дороги на территории Кухмистерского поселка, вошедшего в состав Люблина (ул. Дзержинского, 46). Впоследствии это здание было поставлено на государственную охрану, что не помешало его снести вместе с большинством других малоэтажных построек города Люблино после его присоединения к Москве в 1960 г., в том числе

бывшими усадебными дачами.

Шкулев Филипп Степанович (1868-1930), поэт, переводчик, начал работать ребенком на ситцевой фабрике купца 2-й гильдии К.А.Либиха в усадьбе Садки или Чесменка-Садки (впоследствии поселок Текстильщики). По неосторожности Ф.С.Шкулева кисть его правой руки попала в трансмиссию машины. После лечения в Кузьминской больнице руку удалось сохранить, но кисть навсегда осталась искалеченной. Работать на фабрике Ф.С.Шкулев больше не смог и получил расчет. Впоследствии он поступил на работу в мелочную лавку в Москве, и научился писать левой рукой.

Еще до Октябрьского переворота увидел свет сборник его стихов и рассказов Ф.С.Шкулева "Не всем счастье". В 1904 г. в его переводе вышла книга стихов итальянской поэтессы-народницы Ады Негри.

К сожалению, усадьба, занимаемая разными пользователями, в настоящее время разделана на части заборами и плохо воспринимается как единый ансамбль, тем более, что ряд ее зданий был сильно искажен в советский и постсоветский периоды. На территории усадьбы и в ее охранной зоне выстроены складские помещения гаражи и фундаментальные современные постройки, нарушены естественный и исторически сложившийся рельеф и береговая линия пруда. Господский дом и театральная школа находятся в ведении Государственного музея-заповедника Кузьминки-Люблино.

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ

Чтобы оказаться в Люблине, проще всего воспользоваться Люблинской же линией

московского метрополитена, доехав до станции «Волжская». Затем, нужно, выйдя к Краснодонской улице, перейти по автомобильному мосту большой Люблинский пруд и свернуть направо в старый запущенный парк, в котором и находится усадьба. Купол ее господского дома, увенчанный статуей, будет вашим ориентиром сразу же после выхода из метро (в летнее время купол виден плохо т.к. его закрывают разросшиеся деревья).

Сооружение станции «Волжская» первоначально не было запланировано, предполагалось строить линию метрополитена западнее, вдоль Люблинской улицы. Там неподалеку от железнодорожной платформы должна была находиться и станция «Люблино». Однако, после вмешательства общественности, этот вариант отклонили т.к. он затрагивал охранную зону усадьбы. Поэтому была построена дополнительная станция "Волжская", а станцию "Люблино" отодвинули почти на километр. На прежнюю трассу — Люблинскую улицу линия метрополитена возвращается только после станции "Братиславская".

Через парк в усадьбу ведет **Летняя улица**, частично сохранившая «послеураганную» обсадку начала XX в. из лип в два ряда с каждой стороны. Большинство построек усадьбы поставлено в одну линию вдоль южной стороны улицы. Они датируются началом XIX в. и показаны на чертеже Люблина из собрания Государственного исторического музея, датируемым тем временем. Все здания усадьбы выдержаны в стилистике зрелого классицизма, причем в разных сооружениях применены одни и те же его мотивы (руст, карнизы с гладкими фризами, пропорции окон и т.д.), что придало единство усадебному ансамблю.

Первое здание на Летней улице, имеющее отношение к усадьбе — кажущаяся странной асимметричная постройка, состоящая из двух частей: восточной одноэтажной, лишенной окон, но,

украшенной повторяющимся декором в виде рустованной аркады и западной двухэтажной с парными нишами слева и справа от входа и круглыми окнами второго этажа. Это - знаменитая люблинская **оранжерея**, вернее современная имитация ее западной части (в 1805 г., по свидетельству литератора С.П. Жихарева, оранжерея уже существовала и во всю функционировала).

Огромная оранжерея, состоявшая из десяти больших залов, наполненных померанцевыми, лимонными и лавровыми и другими деревьями, а также большим количеством самых разнообразных и роскошных цветов, была выстроена по схеме господского дома с флигелями и обращена к аллее главным фасадом с четырехколонным портиком и боковыми ризалитами. Она использовалась и как своего рода огромный парковый павильон, своего рода дублер господского дома.

С.П. Жихарев отметил, что люблинская оранжерея производила большее впечатление, чем дошедшая до наших дней оранжерея соседнего имения Кусково, принадлежавшего графам Шереметевым: «Мы воспользовались свободною субботою и вчерашним воскресеньем, чтобы съездить в Кусково графа Шереметева и Люблино, принадлежавшее Н.А. Дурасову, взглянуть на пространные оранжереи, наполненные померанцевыми, лимонными и лавровыми деревьями и несметным количеством самых роскошных цветов, - записал в своем дневнике С.П. Жихарев. - Нам сказали, что эти оранжереи в настоящее время года бывают во всей пышности и красоте своей; в самом деле, я никогда не видал ничего подобного. Совершеннейшее царство Флоры! Кусковские оранжереи удивляют количеством и огромностью своих померанцевых деревьев и богатством произрастений, но не так чисто содержимы как люблинские; последние несравненно

приятнее и роскошнее; видно, что за всем бдительно наблюдает сам хозяин, которого как нарочно тут и повстречали. Он в продолжении всей зимы имеет привычку по воскресным дням обедать с приятелем в люблинских своих оранжерей». Когда оранжерею осветили, она превратилась в какой то сад Армиды» (Волшебница Армида — героиня поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» - М.К.).

Первоначально садовником в Люблине при Н.А. Дурасове был прусский подданный Карл Сигизмунд Унгебауер, которого в 1804 г. Экспедиция Кремлевского строения переманила работать в Царицыно. Результаты именно его деятельности в люблинской оранжерее так красочно описаны С.П. Жихаревым, впрочем, как видно, работу К.С. Унгебауера продолжили специалисты не менее высокого класса. В 1818 г. тогдашний садовник Люблина даже получил за свою работу в оранжерее «драгоценный подарок» от императрицы Марии Федоровны, которая, приехав в Люблино, осмотрела оранжерею и даже выбрала для себя некоторые растения.

После смерти Н.А. Дурасова оранжерейное хозяйство в Люблине не погибло, а благодаря заботам А.А. Писарева стало еще более пышным, о чем сохранился ряд свидетельств современников.

И.Г. Гурьянов в очерке о Люблине, написанным им по впечатлениям посещения в усадьбы 5 августа 1825 г. описал оранжерею как образцовую: «Пройдя флигели и небольшую площадку, вы войдете в оранжерею, и удивитесь царствующему здесь порядку и чистоте; вся оранжерея разделяется на десять зал; шестая, составляющая середину сего весьма большого здания, круглая, покрыта куполом и освещается сверху; на самой середине стоит отличное по величине померанцевое дерево: тщательно сохраненное, оно заслуживает особое замечание; не говоря о

том, что густые ветви его занимают знатное пространство сего зала, скажем, что стебель онаго имеет в окружности 14 вершков; признаюсь, что подобного ему я не видел даже в Горенках”.

*Анонимный автор журнала «Живописное обозрение» 1838 г. отозвался о люблинской оранжерее следующим образом: «Нагулявшись в саду, мимо нескольких красивых домиков, которые отдаются в наем и каждое лето бывают заняты, мимо бывшего театра, где у Н.А. Дурасова играли свои актеры, вы подходите к оранжереям, каменным, как все здания в Люблине, и замечательным своею обширностью и богатством содержащихся в них растений. Главная оранжерея на 350 шагах в длину. Она разделяется на 10 зал, из которых особенно замечательна средняя: она выше всех других и заключает в себе многие редкие и громадные деревья. Посредине группы больших померанцевых деревьев, возвышается над другими одно, гигант своего рода: ствол его 6 вершков в диаметре, а густые ветви занимают большое пространство. С него ежегодно снимают до 400 померанцев. Знатоки ценят одно это дерево в 15 тысяч рублей. Кроме того, вы найдете здесь аллеи деревьев лимонных, померанцевых, апельсиновых, всякого рода. Целые комнаты увиты виноградом, персиками, гранатами, и наполнены множеством редких растений и цветов. Тут можно видеть дерево чайное, кофейное, чашковое (*Mespilus germanica*), саго, стрелицию (*Strelizia ovata* или *reginae*), магнолии, дивные породы кактусов, и проч. Не говоря об обширных грунтовых сараях, упомянем еще о теплицах, и особенно о новой теплице для ананасов, нагреваемой недавно открытым способом. Это совершенство садового искусства!»*

Согласно И.Г. Гурьянову в 1825 г. рядом с оранжереей в особом здании находилось ананасное или цветочное отделение, в котором самым примечательным было финиковое дерево;

перед оранжереей находились парники, а за ним своего рода питомник, где выращивались молодые деревья. К 1838 г. в саду и оранжерее прибавилось экзотических растений. По свидетельству современника сад и оранжерея никогда еще не находились в таком цветущем состоянии, даже при Н.А. Дурасове. Кроме того, была сооружена образцовая ананасная теплица, нагреваемая “открытым способом” и заведен обширный огород.

При Голофтеевых, во 2-й половине XIX в., оранжерея была перестроена под жильё, превратившись в дачи, как и многие другие постройки Люблина. Ее крылья были надстроены вторым деревянным этажом (при воссоздании западного корпуса второй этаж был выстроен из кирпича). 16 июня 1904 г. ураганом с оранжереи снесло крышу и выбило стекла. В 1920-х гг. оранжерея сгорела, а ее руины были впоследствии разобраны. К настоящему времени об оранжерее дает хоть какое-то представление лишь ее западная часть, воссозданная реставраторами в 1985 г. Ныне ее владельцем является фирма ООО «Арт-Альянс».

Рядом с фрагментом оранжереи на пересечении Летней и Ейской улиц, растет огромный старый тополь один из самых — больших в Люблине. Именно эта порода дерева в Люблинском парке представлена самым большим числом видов и межвидовых гибридов. От пересечения улиц в сторону пруда в разные стороны расходятся еще две тополевые аллеи, в настоящее время находящиеся в достаточно запущенном состоянии. Видимо, первоначально их было три; точно также как в усадьбе Воронцово, спланированной раньше Люблина, они, очевидно, созданы по аналогии с планировкой Версаля.

Еще один старый тополь находится у следующего за остатком оранжереи здания. Это - **флигель театральной школы** (возможно здесь же при Н.А. Дурасове находился устроенный им

пансион для дворянских детей) - небольшое двухэтажное классицистическое сооружение, также первоначально имевшее высокую кровлю, завершающуюся башенкой, как и ризалиты оранжереи. К его западной части, примыкает поздняя небольшая двухэтажная пристройка, имитирующая формы основного объема. Тем не менее, судя по чертежу Люблина начала XIX в. и редкой гравюре по рисунку Г. Афанасьева «Люблино. Загородный дом генерал-лейтенантши Дурасовой в 7 верстах от Москвы» (в 1920-х гг. она принадлежала А.Н. Гречу) северный фасад флигеля дошел до нас без заметных изменений.

После смерти Н.А. Дурасова флигель в летнее время сдавали внаем заезжим москвичам как дачу. По местной легенде это та самая «отдельная двухэтажная каменная дача», которую снимал в 1866 г. Ф.М. Достоевский. Во всяком случае, флигель театральной школы - единственная постройка в Люблине, подходящая под это описание. В советское время во флигеле находилась библиотека. В настоящее время он принадлежит ООО «Стекломонтаж».

Напротив флигеля на противоположной стороне Летней улицы в 1872 — 1927 гг. находилась деревянная церковь, сооруженная по проекту Н. А. Шохина (ныне находится в селе Рыжево Егорьевского района Московской области). На ее месте предполагается строительство новодела, хотя логичнее было бы отправить его в Рыжево, вернув подлинник на свое историческое место.

Южнее флигеля находится **конный двор**, к которому первоначально вел проезд со стороны Летней улицы, ныне шел перекрытый забором. Конный двор не упоминает ни один из мемуаристов, посетивших Люблино, хотя, с 1-й половины 1820-х гг. ими неоднократно описан люблинский скотный двор с тирольскими коровами. Двойко: как скотный или конный двор этот

комплекс интерпретируется и в книге искусствоведов И.Л. Бусевой-Давыдовой и М.В. Нащокиной «Архитектурные прогулки по Москве» (М., 1996). Не исключено, что он был перепрофилирован после смерти Н.А. Дурасова, чему не противоречит стилистический анализ сохранившихся построек.

Первые встреченные нами здания конного двора — два одноэтажных флигеля с мезонинами (северо-восточный и северо-западный), принадлежащие к московскому типу ампирного особняка, который редко можно встретить в загородной усадьбе, а теперь уже и в самой Москве (один из них торцом выходит на красную линию улицы). Середины главных фасадов флигелей акцентированы портиками из четырех трехчетвертных колонн и световыми арочными проемами мезонинов. Небольшие одноэтажные, с подвалом и мезонинами на поперечных осях, флигели напоминают «послепожарные» «образцовые» проекты для Москвы, хотя, судя по тому же чертежу начала XIX в., сооружены одновременно с остальными постройками усадьбы.

В настоящее время главные фасады флигелей почти полностью скрыты за современным забором из бетонных плит. Из-за него видно, что колонны северо-восточного флигеля уже давно лишились своих капителей.

Южную часть конного двора замыкает здание парадных конюшен, также сооруженное в начале XIX в., одновременно с большинством зданий усадьбы. Это длинный двухэтажный каменный корпус с деревянным мезонином, симметричный относительно собственной оси. В организации главного фасада широко использован мотив плоской арочной ниши. Фронтон мезонина, прорезанный здесь сегментной кривой, опирается на две пары спаренных колонн. Окна, очевидно, растесаны, т.к. их квадратная форма не вяжется с другими деталями. Внутренняя

планировка здания новая.

Еще два сооружения этого комплекса: западный и восточный флигели 5 мая 1997 г. Указом Президента РФ были лишены статуса памятников архитектуры и сняты с государственной охраны. Западный флигель - современное здание, поставленное на старом фундаменте, выстроенное без учета каких-либо исторических реалий и лишь стилизован под парадные конюшни. Восточный флигель не сохранился, хотя подлежал воссозданию. Конный двор находится в ведении фирм «Транстехсервис», занимающийся оказанием автосервисных услуг и «Стекломонтаж».

Вернувшись на Летнюю улицу, продолжим путь к господскому дому усадьбы. За флигелем театральной школы торцом выходит на красную линию Летней улицы большое безликое трехэтажное здание, кажущееся едва ли не современным – **дом, в котором жили артисты крепостного театра.**

В созданных Н.А. Дурасовым в Люблине театральной труппе и оркестре было около сотни крепостных людей. Впоследствии, многие из них, получив вольные, перешли на императорскую сцену, что является дополнительным свидетельством профессионализма люблинского театра.

Как и остальные усадебные постройки, дом артистов датируется началом XIX в. К сожалению, памятник искажен до неузнаваемости как перестройкой 1950-1960-х гг. под жилой трехэтажный дом (первоначально здание было двухэтажным), так и реконструкцией 2000-х гг. под некоммерческое партнерство "Школа".

Следующее памятник по Летней улице - симметрично расположенные два небольших двухэтажных кирпичных флигеля нач. XIX в., объединенных открытой галереей в единый архитектурный комплекс - **театральная школа.** В настоящее время двухэтажная поздняя

советская “вставка” между флигелями ликвидирована в ходе реставрации.

Оба флигеля выполнены в стилистике уже рассмотренных нами построек. Их фронтоны изначально были украшены барельефами на театральную тематику. Выразительность зданий была усилена применением нарядных «палладианских» - трехчастных окон во вторых этажах.

В советское время оба здания сначала занимала школа, переведенная в них из господского дома, переданного под клуб. Затем в них находился Московский городской клуб юных автомобилистов.

Ныне после реставрации это музейное выставочное пространство Государственного музея-заповедника «Кузьминки-Люблино».

Между домом артистов и театральной школой в глубине улицы находится еще одно небольшое двухэтажное здание начала XIX в., но как и дом артистов, выглядящего очень современным. Это и есть знаменитый усадебный **театр** (в литературе он также упоминается и под названиями: дом управляющего и конторский флигель, что, очевидно, соответствует разным временным периодам истории усадьбы).

Театр в Люблине был хорошо известен москвичам и на его представлениях, устраиваемых два раза в неделю, всегда было много зрителей. По свидетельству С.П. Жихарева в 1805 г. учитель пения итальянец Мускетти, приезжал в Люблино с учеником Гайдна талантливым композитор С. Нейкомом, которого хотел определить к Н.А. Дурасову в этот театр капельмейстером (по всей видимости альянс С. Нейкома и Н.А. Дурасова так и не состоялся).

Из-за того, что здание выглядит современным, с трудом верится, что, что именно его описала К. Вильмот в 1806 г.: «В перерыве между пьесой и фарсом был балет. Хозяин

почтительнейше извинялся за “убожество того, что мы видим”, объясняя это занятостью людей на уборке урожая. На самом деле здание театра было роскошным, а представление очень хорошим. Каждые полчаса публику обносили подносами с фруктами, сладостями, мороженым, лимонадом, чаем и другими напитками; воскуривали благовония».

После смерти Н.А. Дурасова крепостной театр в Люблине прекратил свое существование. “Ныне нет здесь представлений, но жителя и столицы все ездят сюда проводить время и принимаются с тем же гостеприимством, с каковым и прежде; здесь во всякое время встречается посетитель с услужливостью: пожелает ли он посмотреть дом, театр или хороший сад с отличною оранжереею, приставленные к сему служители все ему покажут и удовлетворят его любопытство» - отмечал И.Г. Гурьянов в очерке о Люблине, написанным им по впечатлениям посещения усадьбы 5 августа 1825 г.

В советское время в бывшем здании театра находился детский сад. В 2000-2001 гг. здание в ходе реконструкции под офис ЗАО «Транспортная компания «Люблино» было надстроено, получив мезонин и мансардный этаж, расширено с юга и лишено стилистических признаков.

Летняя улица заканчивается у самой эффектной постройки Люблина — это **господский дом**, выстроенный в стиле зрелого классицизма – очень качественный памятник архитектуры, обладающий выдающимися художественными достоинствами. Здание, стоящее на северной стороне улицы, имеет план в форме равноконечного креста с кругом посередине. Крестообразно расположенные объемы соединяются между собой дугами красивой ионической двухрядной колоннады, которая придает постройке круглую форму. Прямоугольным парадным залам первого этажа, объединенным круглым центральным залом, вторят меньшие по размерам жилые

помещения второго этажа, сгруппированные вокруг верхнего купольного зала. Фасады украшены гипсовыми барельефами на темы античной мифологии: «Жертвоприношение» (юго-восточная часть), «Обряд посвящения девочек Афродите» (юго-западная часть) и двумя сходными вариантами сцены: «Поклонение Дионису-младенцу» (северо-западная и северо-восточная здания), помещенными над палладианскими окнами.

Торцевые стены третьего этажа господского дома, по сути, сильно увеличенного бельведера, для облегчения конструкции были сделаны деревянными. Бельведер увенчивала статуя Аполлона - античного бога, являвшегося покровителем искусств, что вполне объяснимо для здания, хозяин которого, Н.А. Дурасов, был большим поклонником искусства. Свое жилье он, по сути, уподоблял «храму Аполлона».

Дом уникален сохранностью своих интерьеров, пусть неоднократно реставрированных, но все же дающих представление об их изначальном облике. Изумляющие красотой и спокойным величием, небольшие, но великолепные, его уютные парадные залы созданы на основе синтеза архитектуры, живописи и скульптурно-пластического декора. Парадные интерьеры первого этажа декорированы «гризайлью» и живописными панно на темы из древнегреческой мифологии. Основную их часть, видимо выполнил известный декоратор Джеромо (Ермолай Петрович) Скотти, приехавший в Россию из Италии (его фамилия упоминается в литературе о Люблине). Сохранившиеся росписи свидетельствуют о его высоком художественном мастерстве. В скульптурном декоре чувствуется влияние работ Чарльза Камерона в Царском Селе и Павловске.

Благодаря письму англичанки Кэтрин Вильмот, мы знаем, что к празднику в честь княгини Е.Р.Дашковой 4 октября 1806 г. отделка господского дома Н.А.Дурасова была завершена “А если

б ты видела райский уголок, в котором он живет! – восторженно писала она в Англию своей сестре Гарриет. - Его жилище – мраморный дворец с колоннадой, опоясывающей первый этаж, за исключением центральной части, которая поднимается высоким куполом и служит банкетным залом». На этом основании центральный Круглый зал господского дома ошибочно воспринимается исследователями как столовая, хотя более подходит для балов. Однако К. Вильмот не была образцом точности формулировок, а функциональное устройство дома и тематика росписей зала делают сомнительным такое предположение. Потолок зала занимает плафон «Триумф Венеры» (К. Вильмот очень неточно описывает его росписи фразой «Своды покрыты великолепной росписью – Амуры и грации, Аполлон и музы, Авроры и Оры», тогда как «Триумф Венеры» совсем другой сюжет, где нет ни Авроры, ни ее спутниц Ор и т.п.), над окнами находятся выполненные гризайлью медальоны с изображениями античных полководцев и государственных деятелей над которыми амурсы поддерживают военные доспехи. Над дверными порталами расположены живописные панно «Феб лучезарный на колеснице» (за ним при Н.А. Дурасове находился оркестр), «Аполлон Кифаред с музами», «Венчание Амура» и «Жертвоприношение».

Более логично в качестве столовой выглядит Мраморный зал (его роспись имитирует мрамор различных оттенков), украшенный большой фреской “Пир Вакха на Накосе”. Его стены декорированы лепными медальонами на античную тематику, в некоторых из них изображены аллегории времен года.

Теме любви посвящены четыре живописные вставки на потолке в Колонном зале (Розовой гостиной): «Миф об Актеоне», «Суд над нимфой Каллисто», «Вакх и Ариадна» и «Триумф Вакха

и Ариадны». Поскольку всем этим персонажам античной мифологии соответствуют определенные созвездия (Актеону - созвездие Гончих псов, Каллисто – Большая и Малая медведицы, Вакху и Ариадне – Венец Ариадны), то потолок зала можно рассматривать как аллегория ночного небо. При входе в Колонный зал и над его окнами в медальонах размещены изображения аллегорий времен года, но выполненные гризайлью. Некоторые из них в советское время были забавно осовременены: праздно гуляющих античных персонажей «одели» и «выдали им» орудия крестьянского труда, поэтому ныне они воспринимаются как курьезы. На стенах изображены усадебно-парковые пейзажи, на которых, по местной легенде изображены виды Люблина. Во всяком случае, такой подход к живописи в парадной гостиной не выглядит ничем необычным, т.к. имеет аналоги и в других усадьбах, в частности в Братцеве (в черте Москвы).

Печей в залах нет, т.к. в доме было калориферное отопление, находившееся в подвале. Все паркетные полы в залах заново воссозданы реставраторами.

Как справедливо указал еще в 1932 г. А.Н. Греч, формы господского дома в Люблине, также как и некоторых других подобных построек, восходят к вилле Ротонда в поместье Меледо гениального итальянца Андреа Палладио, прекрасно известной как иностранным архитекторам, работавшим в России, так и отечественным зодчим. Но это замечание общего характера, более реальный прототип Люблина можно увидеть в центрических храмах-особняках на проектах "Храма Знаний, или Монпарнаса", созданного для Версальского парка придворным архитектором французского короля Людовика XIV Никодемом Тессинем между 1687 и 1712 гг. и на одном из проектов теоретика французского классицизма Жана-Франсуа Неффоржа. Это так называемый "Проект центрического сооружения", датированный 1757—1778 гг. В качестве

прототипа Люблина он представляется самым реальным, особенно с учетом времени его создания.

Ни при Дурасовых, ни при сменившей их А.М.Писаревой никто из современников не рассказывал версию о том, что в плане дом в Люблине построен в виде ордена святой Анны, которым якобы очень гордился его первый владелец. Эта дошедшая до наших дней люблинская легенда возникла значительно позднее, причем не ранее 2-й половины XIX в., когда Люблино уже приобрели К.Н. Голофтеев и П.Н. Рахманин.

При них господский дом подвергся небольшим переделкам, в ходе которых северная колоннада был застеклена, заложены арки в цоколе, между колоннами установлены балюстрады. Тем не менее, реконструкция была проведена очень бережно, облик сооружения мало изменился. Именно с того времени необычность здания, резко отличавшегося от большинства тогдашних усадебных построек, породила легенду про дом-орден. Она интересна сама по себе, как пример народного объяснения того, как могла появиться постройка, отличавшаяся от принятого в то время стандарта для загородных помещичьих домов. Со временем легенда попала в путеводители по Подмосквью и стала кочевать из одного путеводителя в другой наряду с подобными милыми историями, вроде апокрифического рассказа о том, как архитектор В.И.Баженов якобы с горя повесился в парке Царицынского дворца, когда Екатерина II приказала его снести. Вместе с тем легенда про Люблино оказалась необыкновенно живуча: после неоднократного ее развенчания, она все равно продолжает жить в публикациях краеведов, а иногда «забредает» и в серьезные работы. Так очередной том фундаментального каталога «Памятники архитектуры Москвы», вышедший в свет в 2007 г. «порадовал» мнением авторов о том, что «описанные многими

современниками тщеславные причуды Дурасова делают достоверной легенду о том, что в плане дома увековечен полученный им крест св. Анны I степени».

Отметим, что серьезные специалисты усомнились в версии про дом-орден достаточно давно. Еще А.Н. Греч, назвал ее предположением “...полуанекдотического характера...” Пока, даже неясно имел ли реально Н.А. Дурасов “Анну на шее”. Утраты текста в его формуляре, хранящемся в фонде Московского дворянского собрания в Центральном историческом архиве Москвы, не дают возможности утвердительно ответить на этот вопрос. Однако возможно, что такой орден у Н.А.Дурасова все-таки был, его воинское звание – бригадир, вполне позволяло иметь такую награду. Но для истории Люблина не принципиально, какие орденские звезды были у этого владельца имения...

Благодаря И.Г. Гурьянову считается, что господский дом в Люблине был сооружен в 1801 г., однако, скорее всего, это лишь дата начала его строительства. Зная строительную практику тех лет невозможно представить, чтобы такой дом был сооружен всего за один строительный сезон. Поскольку интерьеры дома в Люблине были расписаны, а нужно учесть, что перед росписью стены любого здания должны были окончательно просохнуть, т.е. художественные работы не могли начаться раньше ну, хотя бы 1802 г. С.П. Жихарев, бывший в Люблине в 1805 г. господский дом вообще не упоминает, что является косвенным свидетельством того, что строительные работы в нем не были завершены и, именно поэтому Н.А. Дурасов не принимал в нем посетителей. В свою очередь Кэтрин Вильмот 4 октября 1806 г. уже побывала в господском доме Н.А. Дурасова. Таким образом, строительство господского дома в Люблине нужно

датировать 1801-1806 гг. Отдельные работы в интерьерах проходили и в более позднее время, так наряду со Д. Скотти известно имя еще одного талантливого художника-декоратора, работавшего в Люблине – это Ольденель или Сантино Ольденелли, приехавший в Москву только летом 1808 г. Отсюда вывод, что отделка дома заняла значительно больше времени, чем считалось до сих пор.

Существует устойчивая традиция, приписывающая на основании литературных данных авторство господского дома усадьбы Люблино архитектору И.В.Е. готову. Она базируется на дневнике историка И.М. Снегирева, два раза посетившего Люблино в 1824 г., где есть следующая запись: «Дом прекрасно выстроен архит[ектором] Егоровым». Поскольку московского зодчего с такой фамилией в то время не существовало, следует считать, что в данном случае речь идет, конечно, о И.В. Еготове (либо И.М. Снегирев допустил ошибку, либо это просто опечатка в типографском тексте дневника, изданного в Москве в 1904 г.). Казалось бы, косвенно авторство И.В. Егорова подтверждают барельефы, находящиеся на торцах здания. Точно такие же, выполненные крепостным мастером Голицыных, неким Лукой были установлены на фасаде господского дома усадьбы в соседнем с Люблино имении Кузьминки, который был реконструирован по проекту И.В. Еготова в 1804-1808 гг. Не исключено, что все барельефы выполнялись одновременно и разделить их на копии и оригиналы проблематично. Во всяком случае, это предположение также укладывается в гипотезу о более длинном цикле строительных работ в Люблине.

Авторство проекта дома в Люблине И.В. Еготова, тем не менее, внушает сомнения, он не создал, и даже не спроектировал ничего такого, что можно было поставить рядом с Люблиным,

оно слишком талантливо и оригинально, чем другие еготовские творения. Нам удалось обнаружить одну из первых статей о Люблине, опубликованную в журнале “Живописное обозрение” в 1838 г., анонимный автор которой, явно связанный с владельцами усадьбы Писаревыми, бывшими родственниками Дурасовых, не упоминая И.В. Еготова, сообщил, что Н.А. Дурасов “...поручил строение главного дома отличному архитектору Казакову, и как видно, требовал не столько удобств для самого себя, сколько простора и роскошного помещения для своих гостей”. Безусловно, здесь имелся ввиду Р.Р. Казаков, под руководством которого И.В. Еготов работал в Кузьминках. Анализ текста статьи позволяет предположить, что ее автор, входил в ближайшее окружение тогдашней владелицы Люблина племянницы Н.А. Дурасову А.М. Писаревой или ее мужа сенатора А.А. Писарева. Несомненно, фамилия Казакова была подсказана кем-то из них или их ближайших родственников, помнивших, как бригадир отстраивал Н.А. Люблино. Не исключено, что автором статьи был малоизвестный писатель И.Г. Гурьянов, которому принадлежит самая первая попытка создания истории Люблина. А.А. Писарев оказывавший ему покровительство и материальную поддержку, сам был довольно популярным литератором, одно время (как и позднее Ф.И. Буслаев) возглавлял Общество любителей российской словесности, поэтому вполне естественно, что людей, хорошо владевших пером, в его окружении было достаточно.

Находка статьи из «Живописного обозрения» 1838 г. позволяет выдвинуть следующую гипотезу: очевидно, Р.Р. Казакову принадлежал проект люблинского дома, являющийся кульминацией творческого пути этого недостаточно оцененного мастера, а непосредственное наблюдение за строительством осуществлял все же И.В. Еготов, женатый на его сестре.

Именно так этот тандем долгое время работал в Кузьминках и нет оснований полагать, что этот порядок, почему то мог быть нарушен в Люблине. А после смерти Р.Р.Казакова, скончавшегося в 1803 г. И.В.Егоров завершил строительные работы в Люблине. Видимо также как и господским дом ими были выполнены и другие усадебные постройки, выдержанные в едином стиле и как бы подчиненные господскому дому.

При Голофтеевых господский дом, в котором они поселились, подвергся небольшим переделкам, в ходе которых северная колоннада был застеклена, заложены арки в цоколе, между колоннами установлены балюстрады. Тем не менее, реконструкция здания была проведена достаточно бережно, его облик почти не изменился. Бережно сохранялись старинная мебель и картины западноевропейских художников Барбери, Ван-Гельда, Мено, Швенинга. У входа в дом на террасе стояла статуя XVIII в., изображающая аллегорическую фигуру “Молчание”, возможно сохранявшаяся еще от дурасовских времен..

Почти через сто лет, 16 июня 1904 г., Аполлон вместе с кровлей господского дома был сорван ураганом; в окнах градом были побиты стекла, от чего пострадала обстановка. Серьезный ущерб был нанесен и другим зданиям усадьбы. Восстанавливая Люблино, его тогдашний владелец Н.К. Голофтеев заказал в Гамбурге для своей усадьбы новую скульптуру, уже женскую. Это была копия с одного из экспонатов Дрезденского музея так называемая Большая Геркулянянка, в свою очередь являющаяся римской копией I в. до н.э. с греческого оригинала круга Праксителя (IV в. до н.э.). В отличие от Аполлона Геркуляянка была выполнена не из мрамора, как ранее Аполлон, а из более стойкого к непогоде материала. Реставраторы О.М. Сотникова и Л.С. Сахарова, занимавшиеся восстановлением Люблина в 1950-х гг., считали, что им был свинец. Однако

большое количество этого тяжелого металла едва ли было разумно держать на куполе господского дома, поэтому вероятнее всего Геркулаянку изготовили из шпиабра — сплава очень популярного в нач. XX в. для изготовления крупной и мелкой пластики, и внешне очень похожего на свинец.

Геркулаянка завершала купол люблинского господского дома до 1941 г., когда была снята и уничтожена, из-за чего здание на долгое время утратило былую живописность силуэта. В 2001 г. выполненная заново уже в Москве, скульптура Геркулаянки снова заняла прежнее место на куполе господского дома. От прежней статуи она отличается только наличием шипов, не дающим птицам садиться на нее. Однако историко-культурная среда начала XX в., которой соответствует Геркулаянка, в Люблине не сохранилась: снесены все деревянные дачи, ликвидированы следы приспособления под дачи существующих построек, перевезена церковь и т.п.

Знаменательно, что заменившую Аполлона Геркулаянку многие воспринимали как “святую Анну”, видя в ней одно из доказательств легенды про «дом-орден». Однако статуя «своятой» противоречит православным канонам и античным мотивам здания, не вписываясь в концепцию «храма Аполлона».

Сразу же после Октябрьского переворота в господском доме была устроена школа 2-й ступени. Затем ее сменил клуб железнодорожников им. III Интернационала, поскольку железнодорожными рабочими, обслуживавшими находившееся рядом паровозное депо Московско-Курской железной дороги, была заселена, расположенное по другую сторону станции Люблино еще одно бывшее имение Н.А. Дурасова, Самарова гора (по фамилии одного из его последних владельцев, Н.Ф. Китаева, поселок, где жили рабочие, стал называться Китайским, а в советское время был переименован в Кухмистерский, в честь первого председателя профсоюза

Курского железнодорожного узла Е.Ф. Кухмистерова). Также одно время в господском доме находилось отделение милиции

Самые интересные предметы из господского дома были вывезены в Москву. «В одном из залов уцелел ещё превосходный плафон Скотти; но нет уже ещё недавно здесь стоявшей старинной мебели, кресел и диванов карельской березы, украшенных подлокотниками в виде грифонов и лебедей, деревянных резных и позолоченных торшеров, бронзы люстр, часов и канделябров. Всё это ушло, расхищенное и поломанное... И рисуется символом текущих лет стоящая на одной из [террас] фигура античного божества Молчания, фигура, приложившая к своим каменным устам палец...» — писал А.Н. Греч в 1932 г. книге «Венок усадьбам». Скульптура Молчание, впоследствии, видимо, тоже была утрачена.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. для клуба было сооружено новое здание в формах конструктивизма, находившееся ближе к Перерве. После вывода клуба господский дом обветшал, а после начала Великой Отечественной войны первые два его этажа использовались под заселение 12-13 семей, в круглом зале размещались рабочие газопровода Саратов-Москва. Контора этого газопровода занимала третий этаж здания. Такое использование памятника архитектуры привело к тому, что за время войны его состояние еще больше ухудшилось. Секретарь МК ВКП(б) Г.М. Поздеев в 1945 г. констатировал, что «в настоящее время дом разрушается, штукатурка осыпается, барельефы повреждены, капители колонн утрачены, живопись почти уничтожена, чугунная решетка выломана, фресковая живопись резко пострадала, из паркетов вынуты ценные породы деревьев, центральное отопление испорчено». Г.М. Поздеев предлагал использовать господский дом для размещения Московского областного краеведческого музея, здания которого в

Новоиерусалимском монастыре в г. Истра, сильно пострадали в 1941 г. К сожалению, это предложение не было реализовано, а в 1948 г. господский дом был передан Институту океанологии (организован решением Президиума Академии наук СССР в 1946 г. на базе существовавшей с 1941 г. Лаборатории океанологии, первым директором Института стал П.П. Ширшов, вместе с ним активное участие в создании и становлении нового научного центра приняли известные ученые Л.А. Зенкевич, В.Г. Богоров, С.В. Бруевич, А.Д. Добровольский, П.Л. Безруков, И.Д. Папанин, В.Б. Штокман и др., ныне Институт Океанологии РАН им. П.П. Ширшова).

В 1952—1955 гг. дом отреставрировали по проекту О.М. Сотниковой и Л.С. Сахаровой. Одновременно живопись интерьеров, покрашенная до капителей была восстановлена под руководством художника Е.П. Авилова. Именно в «авиловском» варианте она и дошла до наших дней, причем, большая часть живописных ставок на потолке в гостиной была выполнена заново. Деревянные балки кровли были заменены на двутавровые швеллерные. Сами реставраторы достаточно скептически оценивали качество проведенных работ из-за частой смены бригад, работавших в доме.

Господский дом сильно пострадал в 1990-е гг., когда одна из коммерческих фирм устроила в нем склад лука, в результате чего погибли все паркетные полы. В 1999-2003 гг. здание было отреставрировано на средства Главного управления по охране памятников г. Москвы (ныне Москомнаследие). Качество этих работ, как и предыдущих неоднозначно, безусловно, сделано много, но не всегда как нужно бы. Судя по фотографиям при, восстановлении полов были

использованы паркетные щиты большего размера, чем раньше, белокаменные детали замазаны краской, тогда как следовало бы раскрыть их фактуру, лестница вверх, выполненная из бетона, но обшитая деревом, воспроизведена в редакции явно конца XIX-XX вв. и смотрится чужеродным новоделом и т.д.

После безуспешных поисков нового коммерческого пользователя, в 2005 г. господский дом усадьбы был передан Правительством Москвы Московскому государственному объединенному художественному историко-архитектурному и природно-ландшафтному музею-заповеднику, к тому времени включавшему усадьбу Коломенское и Лефортовский парк. В доме устроена небольшая экспозиция, хотя, какой бы она не была, основным экспонатом этого музея, безусловно, будут сам дом и его интерьеры.

Господский дом усадьбы Люблино «сыграл» роль школы в сериале СТС «Школа №1» (2007 г.). В нем действие разворачивается в элитной школе на Рублевке, где учится так называемая "золотая молодежь".

Парк, окружающий господский дом и другие постройки, был разбит одновременно со строительством усадьбы при Н.А. Дурасове. В основном он пейзажный, свободной планировки на богатом холмистом рельефе с небольшой регулярной частью, видимо, с использованием более раннего парка. Перепады высот придают парку, исключительную живописность. В структуру парка функционально вписались “езжалые дороги”. Одна из них превратилась в липовую аллею, подходившую к господскому дому с юга, другая с востока (ныне Летняя ул.). Западнее господского дома в парке сохранилось **селище** — место, где была усадьба в XVII-XVIII вв.

Судя по свидетельству И.М. Снегирева, относящемуся к 1824 г., достопримечательностью парка в Люблине была «роща померанцевых деревьев». Померанцы – цитрусовые, скорее всего апельсины. Видимо, они были адаптированы к российскому климату, что уникально и в очередной раз свидетельствует о высоком мастерстве люблинских садовников.

При Дурасовых парадный двор усадьбы украшали мраморный фонтан и солнечные часы, возможно стоявшие в центре этой клумбы. К 1882 г. вместо них у дома были поставлены предвосхитившие свое время гипсовые скульптуры: мужик с косой и крестьянская девушка с серпом. Скульптуры были выполнены достаточно хорошо, что подтверждает следующий забавный случай, описанный в газете «Московский листок», как подслеповатая женщина спрашивала у них дорогу.

Парк, как и вся усадьба, сильно пострадал 16 июня 1904 г. во время урагана. Газета «Русское Слово» констатировала его полное уничтожение: «Вчера в 4 час. 20 мин. пополудни между ст. "Люблино" и Москвою пронесся смерч. Около 4-х часов от нависших облаков стало темно; ветер стих, раздалось несколько оглушительных ударов грома. Седые облака быстро закружились на одном месте. Падали крупные градины. Небо дымилось, и облачная воронка стала опускаться на землю. Картина была величественная. Кругом ни ветерка, а небо бурлит. Облачный столб рос, облака закипели. Вдруг к гулу, который несся со стороны крутящегося столба, присоединилось ужасное зрелище. Роща близ ст. "Люблино" стала исчезать с лица земли. Парк в 80 десятин Н.К. Голофтеева не существует. Раненого мальчика перевезли в Яузскую больницу. Его нашли в этом парке. Деревья падали, срывались крыши с дач, тряслись стены, колебалась земля. Со страшной быстротой несся смерч». После урагана в парке уцелели лишь

единичные деревья, поэтому насаждения в парке поздние, относящиеся максимум к началу XX в., а в большинство уже советского времени. В основном они не имеют отношения к естественной растительности.

В советское время парк использовался как городской сад, в нем был установлен громкоговоритель, по праздничным дням играла музыка. После включения Люблина в состав Москвы, в парке был устроен Люблинский парк культуры и отдыха и поставлены различные аттракционы. Пейзажный характер западной части парка при этом оказался изуродован новой регулярной планировкой парка культуры. В конструктивистском здании конца 1920-начала 1930-х гг., ныне занимаемом его дирекцией находится зал игровых автоматов, в котором до сих пор в работающем виде сохранились любопытные игровые автоматы 1970-1980-х гг., уже являющиеся редкостью.

Северо-восточнее господского дома в парке на берегу пруда расположено двухэтажное здание Опытно-конструкторского бюро океанологической техники РАН, сооруженное в конце 1940-начале 1950-х гг. в характерных укрупненных формах «сталинского стиля» (оно относилось к Институту океанологии, занимающему господский дом). Вход в здание ОКБ украшают два больших белых шара. Это аппараты для подводных работ - батисферы, судя по всему в близком к рабочему состоянию – большая редкость в Москве. Здание и ангар перед ним частично окружены оградой, спроектированной для Института океанологии. Она очень похожа на ограду Институт физических проблем им. П.Л. Капицы РАН в начале Воробьевых гор (ул. Косыгина, 2), но в отличие от нее здесь повторяющимся мотивом стилизованное изображение морской мины. Предполагается, что эти здания будут снесены.

В 2002 г. в парке зарегистрировано 48 видов деревьев (13 местных, 35 чужих, вместе с боярышниками) и 14 видов кустарников (5 местных, 9 чужих). Среди деревьев наиболее интересны тополя. Во-первых, они достигают очень большого размера (до 137 см в диаметре ствола). Во-вторых, представлены большим числом видов и межвидовых гибридов. Из секции бальзамических тополей имеются тополя бальзамический, душистый и китайский. Бальзамический тополь, "пришедший" из Северной Америки, считается наиболее распространённым в озеленении Москвы. У него слегка удлинённые листья на длинных голых черешках. Правда, в "чистом" виде в Люблинском парке он редок. Гораздо чаще встречаются его гибриды и особенно гибрид с тополем чёрным - так называемый тополь сибирский.

Из прочих примечательных деревьев отметим вяз приземистый, рябину гибридную и клён маньчжурский. Вяз приземистый - восточносибирское и дальневосточное дерево, которое часто выращивается в Москве, но, как правило, не достигает большого размера. Экземпляр в Люблинском парке - исключение: диаметр ствола составляет 56 см. Это не очень высокое дерево с раскидистой кроной украшает северный берег Люблинского пруда чуть восточнее устремлённого ввысь пирамидального чёрного тополя. Узнать данный вид вяза можно по маленьким короткочерешковым листьям, которые жёстко сидят на ветках двумя рядами. Из видов обычных в городском озеленении в парке особенно крупны лиственница, липа мелколистная, клён остролистный, вяз гладкий.

Прокладка Краснодонской улицы отрезала от парка его восточную часть, которая не сохранила ни планировку, ни насаждений «усадебного периода».

Важным элементом парковой структуры является обширный Люблинский пруд, устроенный на русле речки Голяди. При Н.А. Дурасове напротив господского дома на берегу пруда была устроена пристань. Небольшой парковый мостик находился на дорожке, ведущей по берегу пруда. Еще один мост на этой же дорожке был перекинут через небольшой залив.

Во 2-й половине XIX – начале XX вв. на берегу пруда были устроены купальни. Как писала газета «Московский листок» в 1882 г.: «Есть здесь прекрасные купальни, устроенные у берега Люблинского пруда, над горой, против дачи г[осподина К.Н.] Голофтеева [т.е. господского дома — М.К.], но одно только неудобно, что общественных купален нет, а отдельные находятся, каждая, в пользовании пяти-шести семейств, так что нельзя располагать определенным временем и часто приходится дожидаться достаточно долго, когда купальня освободится».

Первоначально главный подъезд к господскому дому был со стороны пруда, через который был перекинут мост (реализованная мечта гоголевского Манилова), очевидно понтонный или плашкоутный. Подъездная аллея со стороны моста упиралась в клумбу перед господским домом (экипажи, объезжая ее, высаживали приехавших), затем поворачивала под прямым углом и шла по траектории Летней улицы.

ВОПРОСЫ НА МАРШРУТЕ

1. Откуда такое название Люблино?

Ответ: по одному из первых владельцев.

2. Кто из владельцев усадьбы являлся ее создателем?

Ответ: Н.А. Дурасов

3. Какие архитекторы построили усадьбу Люблино?

Ответ: Р.Р. Казаков и И.В. Еготовю

4. Какой известный отечественный писатель жил в этой усадьбе?

Ответ: Ф.М. Достоевский.

5. Что обозначает слово «голядь»?

Ответ: синоним слова нищие, имеющий костромское происхождение.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белицкий Я.М. Окрест Москвы. М.,1996. С. 140.
2. Вильямс В.Р. Материалы к решению вопроса об организации полей орошения г.Москвы//Вильямс В.Р. Соч. Т.2. М., 1941. С.72-411.
3. Греч А.Н. Венок усадьбам// Памятники Отечества. Вып. 32. 1994. № 3-4. С. 160-163.
4. Гурьянов И.Г. Прогулка в Люблино, 1825 г. 5 августа. - Отечественные записки. 1825. №67. С.201-228.
5. Дачные местности Москвы. Люблино// Искры. 1902. №38. С.599-600, 602.
6. Ерёмкин Г.С. Очерк орнитологической фауны Люблинских полей фильтрации// Птицы техногенных водоёмов Центральной России. М., 1997. С.7-24.
7. Зайцев М.С. Старая и новая история Люблино// Городское хозяйство Москвы. 1988. №11. С.36-37.
8. Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России. Изд. 2-е. М., 1991. С.373.
9. Иванов Ю.В., Мазницына О.А. История одного экспоната (храм в Люблино) // Москва:

- События, люди, проблемы. Краеведческий сборник. М., 1997. С. 177-183.
10. Карраск О. Люблино усадебное и дачное// Наше наследие. 1999. № 49. С. 18-27.
 11. Коробко М.Ю. Известен только специалистам// "История" (издательский дом "Первое сентября"). 2007. № 24.
 12. Коробко М.Ю. Кузьминки_Люблино. М., 1999.
 13. Коробко М. Люблино// Адреса Москвы. 2008. № 2/41. С. 81-83.
 14. Коробко М.Ю. Москва усадебная. М., 2005. С. 175-208
 15. Коробко М.Ю. Русский Версаль: Кузьминки-Люблино. М., 2001.
 16. Коробко М.Ю. "Люблино милое"// Московская правда. 1998. 16 сентября.
 17. Коробко М.Ю. Неизвестное Люблино// Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып.7. М., 2001. С.167-181.
 18. Коробко М.Ю. Усадьбы комплекса "Кузьминки-Люблино" в гравюрах и фотографиях середины XIX _ начала XX в [набор открыток]. М., 1999.
 19. Коробко М.Ю., Еремкин Г.С., Насимович Ю.А. Люблино. М., 2003/ Природное и культурное наследие Москвы
 20. Лихачёва Э.А. О семи холмах Москвы. М., 1990.
 21. Люблино. - Живописное обозрение. 1838/1839. Т.4. С.366-368.
 22. Поспелов Е.М. Названия подмосковных городов, сёл и рек. М., 1999.
 23. Сельцо Люблино (От нашего корреспондента). - Московский листок. 1882. 20 июня.
 24. Снегирев И.М. Дневник Ивана Михайловича Снегирева. Т.1. М., 1904. С. 72, 78-79.
 25. Сотникова О.М., Сахарова Л.С. Реставрация дворца Дурасова в Люблине// Практика

реставрационных работ. Вып.2. М., 1958. С.129-154.

26. Юхименко Е. М. Люблино прекрасное, Люблино милое. М., 2005.

27. Янькова Е.П. Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д.Благово. Л., 1989. С.152, 158, 350, 408, 409.

28. Ярцев А.А. Подмосковные прогулки (Очерки и наблюдения). Прогулка пятая: Люблино и Кузьминки (село Влахернское). - Московские ведомости. 1891. 8 июля.